У К А З
Президиума Верховного Совета СССР
О сокращении продолжительности рабочего дня для рабочих и служащих в предвыходные и предпраздничные дни

Установить с 10 марта 1956 года для рабочих и служащих предприятий, учреждений и организаций в предвыходные и предпраздничные дни сокращенный, против нормального, на два часа рабочий день, т. е. продолжительностью шесть часов.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. ВОРОШИЛОВ.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР Н. ПЕГОВ.

Москва, Кремль. 8 марта 1956 года.

В Совете Министров Союза ССР

О сокращении продолжительности рабочего дня для рабочих и служащих в предвыходные и предпраздничные дни

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 марта 1956 г. Совет Министров Союза ССР, постановил:

1. Ввести с 10 марта 1956 года для рабочих и служащих предприятий, учреждений и организаций в предвыходные и предпраздничные дни сокращенный, против нормального, на два часа рабочий день, то есть продолжительностью шесть часов.

Для рабочих и служащих, которые в настоящее время имеют семичасовой рабочий день, продолжительность рабочего дня в предвыходные и предпраздничные дни установить также шесть часов. Для лиц, которые имеют шестичасовой и менее рабочий день, продолжительность рабочего дня в предвыходные и предпраздничные дни не изменять.

Работа в указанные дни должна начинаться в обычное время и может производиться без обеденного перерыва по согласованию администрации предприятия, учреждения, организации с фабрично-заводским, местным комитетом профсоюза.

2. В непрерывных производствах, а также в отдельных отраслях или видах работ, в которых невозможно по условиям производства введение сокращенного рабочего дня накануне выходных и праздничных дней, предоставлять рабочим и служащим за каждые четыре предвыходных и предпраздничных дня, отработанные по восемь часов, дополнительно один день отдыха.

На отдельных сезонных работах, где предоставление дополнительных дней отдыха в период сезона не представляется возможным, допускается, в виде исключения, суммирование таких дней за все время сезона и предоставление дополнительных дней отдыха в межсезонный период.

Перечень отраслей и видов работ, в которых могут применяться указанные в настоящем пункте компенсации, устанавливается Советами Министров союзных республик, а также министрами союзных и союзно-республиканских министерств, по согласованию с соответствующими центральными комитетами профсоюзов.

3. Установить следующий порядок оплаты труда рабочих и служащих в предвыходные и предпраздничные дни:

а) при повременной оплате выплачивать заработную плату, как за полный рабочий день;

б) при сдельной оплате выплачивать заработную плату согласно выполненной работе. При этом руководители предприятий обязаны обеспечить условия для более производительной работы рабочих путем улучшения организации производства и труда, лучшей организации рабочего места, ликвидации простоев и других потерь рабочего времени, с тем чтобы месячные заработки рабочих не снижались в связи с сокращением продолжительности рабочего времени в предвыходные и предпраздничные дни.

4. Обязать руководителей министерств, ведомств, предприятий и организаций осуществить необходимые мероприятия, обеспечивающие переход на сокращенный рабочий день, в пределах установленных фондов заработной платы по министерствам и ведомствам, а также безусловное выполнение установленных заданий по объему производства, производительности труда и себестоимости продукции на основе устранения имеющихся недостатков в организации производства и труда, наиболее полного использования внутренних резервов и ликвидации излишеств в штатах.

5. Обязать руководителей министерств, ведомств, а также местные организации обеспечить проведение необходимых мероприятий, связанных с улучшением обслуживания трудящихся в предвыходные и предпраздничные дни: изменение в режиме работы пригородного и местного транспорта, предприятий общественного питания, торговых и коммунальных предприятий, культурно-просветительных и театрально-зрелищных, а также детских, медицинских и других учреждений и организаций.

Для целинных земель

Собираясь осваивать целину, советские люди знали, что среди многих препятствий, которые встретятся им в этом большом и трудном деле, будет и отсутствие воды. На помощь пришли гидрогеологи: им удалось открыть немало мощных пластов подземных вод, целые подземные реки и озера.

За последние два года разведчики недр четырех союзных министерств пробурили полторы тысячи скважин и почти две с половиной тысячи шахтных колодцев, решив таким образом водную проблему для некоторых совхозов и МТС.

Но не всегда сопутствует гидрогеологам удача — разведывательные скважины, пробуренные в некоторых районах целинных земель Казахстана и Сибири, обнаружили только горько-соленую воду. Для этих районов проектируется теперь сооружение мощных водопроводов, которые протянутся на сотни километров от сибирских рек.

В проектном институте «Гипросовхозводстрой» нашего корреспондента познакомили с проектами водопроводов, которые донесут до целинных совхозов воды Иртыша и наиболее крупного его притока — Ишима. Водопроводы пройдут по территории Северо-Казахстанской, Кустанайской, Павлодарской, Акмолинской, Кокчетавской, Омской и других областей.

Иртышский водопровод будет одним из крупнейших в стране: его длина превысит 1000 километров. Он начнется одновременно в двух местах — в 120 километрах южнее Омска и в 200 километрах севернее Павлодара. Оба водопровода затем соединятся в один, по которому вода пойдет вглубь целинных районов. Четыре насосные станции будут подавать под большим давлением 36 с половиной тысяч кубометров воды в сутки. Ее получат 96 населенных пунктов, 17 новых совхозов, колхозы, МТС, железнодорожные станции. Вода будет к их услугам круглый год — трубы укладываются на глубине 2,6 метра; им не страшны любые морозы.

Проектирование иртышского водопровода закончено. Сейчас идет уточнение его трассы. Строительные работы начнутся уже в этом году.

Очень интересен по замыслу и ишимский водопровод, который протянется на 750 километров вглубь Кустанайской, Северо-Казахстанской и Кокчетавской областей. Ишим, полноводный весной, летом местами пересыхает. Поэтому нужно было найти возможность удержать весенние воды. После долгих поисков у села Сергеевки нашли место, где можно построить плотину и создать водоем на 2 миллиарда 800 миллионов кубометров воды. Новый водоем протянется на сто с лишним километров. При плотине проектируется строительство гидростанции. Она будет работать круглый год, электрифицирует окрестные совхозы и приведет в движение насосы, которые дадут воду на земли 27 совхозов и 21 колхоза. В то же время часть воды возродит давно пересохшую реку Камышловку, обводнив до 40 тысяч гектаров земли.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 30 (3531) Суббота, 10 марта 1956 г. Цена 40 коп.

Современность и живопись

Вл. СЕРОВ

Вряд ли я ошибусь, если скажу, что сегодня каждый советский человек глубоко обдумывает те грандиозные задачи, которые поставлены перед советским народом в Директивах XX съезда партии. В плане шестой пятилетки заключена величественная программа развития нашей страны, программа роста народного хозяйства, народной культуры. И когда вдумываешься в существо, в смысл этого исторического документа, — снова и снова ощущаешь, насколько велика у нас забота о человеке, ибо все, что записано в Директивах, делается для его блага, во имя его счастья.

Вот почему нам, советским художникам, и, в частности, представителям изобразительного искусства, к которым принадлежу я, нельзя ни на минуту забывать о главном предмете и содержании нашего искусства — о человеке.

Советский человек — творец всех ценностей во всех областях жизни, и его труд, его борьба, богатство и сложность его духовного мира — неисчерпаемый источник творчества. Правдивые, яркие образы наших современников в произведениях художников должны служить примером для людей многомиллионного лагеря социализма, выражать дух и красоту нашей эпохи.

Сразу оговариваюсь, чтобы меня не поняли превратно, что из этого вовсе не следует, будто пейзаж, натюрморт и все другие виды изобразительного искусства, где может и не быть человека, отжили свое время, потеряли свое значение. Конечно, нет. Хороший пейзаж, например, пробуждает патриотические чувства, любовь к красоте родной земли, в нем могут быть выражены большие общественные идеи и глубокие человеческие чувства.

Но все-таки основная задача художника — создание образа советского человека, строителя коммунизма, созидателя новой жизни. И вот с этой точки зрения хочется посмотреть на наше искусство, проанализировать его успехи и неудачи.

В золотой фонд советского изобразительного искусства вошло немало произведений, в которых с большой силой художественной выразительности созданы образы советских людей. Наше искусство помогало своему народу бороться, строить, преодолевать трудности, славило его верность и мужество, воодушевляло на трудовые и ратные подвиги, воспитывало в нем высокие моральные качества. Однако стоит нам оглянуться на пройденный страной героический путь борьбы и побед, представить себе великие дела советского народа и еще более величественные перспективы, открывающиеся сейчас, как невольно возникает чувство серьезной озабоченности. Иногда вместо того, чтобы быть запевалами в трудном героическом марше, мы плетемся в обозе, удовлетворяясь не творческими завоеваниями, а частными боями друг с другом, причем по давно решенным, второстепенным вопросам.

Искусство наше еще отстает от требований жизни. Рост сознания людей опережает его. И напрасно некоторые художники пытаются объяснить свои неудачи неподготовленностью зрителя. В данном случае они уподобляются тому незадачливому командиру, который один идет в ногу. Мне вспоминается давнишний спор, разгоревшийся по поводу одной, говоря по правде, слабой выставки. Участниками спора были умудренный искусствоведческими боями критик и рядовой зритель, не специалист в изобразительном искусстве, но человек высокой культуры и, главное, любящий искусство строгой и взыскательной любовью. Глядя на яркие и довольно нелепые холсты, зритель задал вопрос: «Кому, кроме авторов, да, может быть, небольшой кучки их почитателей, доставляют радость, пользу и наслаждение эти произведения? Да и нужны ли они?». Критик же утверждал, что эти вещи несут в себе значительные эстетические ценности, и в том, что они «не доходят», вина не их творцов, а беда зрителей, которые не доросли до истинного понимания искусства.

С того времени прошло много лет. Годы безжалостно, но справедливо разрешили спор: полотна эти были забыты сразу же, как только их сняли с выставки. Несмотря на значительный рост эстетических вкусов наших зрителей, эти полотна попрежнему остаются непонятными и нелепыми.

За последнее время не раз возникал спор по вопросу об искусстве и зрителе. Часто и много говорилось о том, что плохо плестись в хвосте у зрителя и что его нужно поднимать до понимания тонкостей искусства. В той или иной форме эти споры продолжаются и сейчас.

Бесспорно, задача прогрессивного искусства — помогать воспитанию людей, развивать эстетические вкусы народа. Однако не следует забывать одного: чтобы учить людей, воспитывать их, вести за собой, нужно знать по всяком случае не меньше тех, кого ты учишь, и ясно видеть дорогу, по которой зовешь идти. Художник должен находиться в ряду передовых людей своего времени. Только тогда он займет активное место в деле коммунистического воспитания народа.

К сожалению, некоторые художники не считают нужным утруждать себя настойчивой систематической работой, а склонны все неудачи относить на счет зрителя, не понимающего «высокого искусства». Среди нас еще нередко живет зазнайство и художническое чванство, столь чуждое идеологическому облику советского художника. Искусство способно исполнить роль воспитателя только тогда, когда оно само неустанно учится у народа, умеет использовать его опыт, его безграничную коллективную мудрость.

И сегодня нам, художникам, следует сказать прямо и честно: да, мы в большом долгу перед обществом, так как часто проходим мимо замечательных явлений в жизни нашей страны, в жизни народа.

Как, например, недопустимо мало создано заметных произведений о социалистическом труде советских людей! За последние годы нельзя назвать ни одной значительной по своему содержанию и художественному мастерству картины, освещающей этот важнейший участок нашей жизни. И удивительно то, что дореволюционные русские художники оставили нам великолепные полотна о труде людей их времени, хотя этот труд был изнурительным и рабским, а мы, живя в стране, где труд стал делом чести и доблести, где человек труда является самым почетным и знатным человеком общества, отвели в искусстве теме труда очень скромное место. Тем самым из поля зрения художников выпала огромная область формирования новых, социалистических взаимоотношений между людьми, возникающих в процессе социалистического труда.

В нашей живописи почти нет произведений о жизни рабочего класса, о людях индустриального труда. А много ли можно назвать правдивых и глубоких картин о жизни колхозной деревни, где происходят события исторической важности, где будни полны кипучей борьбы, страстей, где происходит активный процесс роста, становления новой жизни? Советский зритель положительно оценил картину Т. Яблонской «Хлеб», ряд картин А. Пластова да еще, может быть, с десяток уже менее значительных полотен, — и это все! Мало наши художники знают сельскую жизнь, мало пишут о ней. Да и те не очень частые картины о деревне, которые все же появляются, порой совсем не радуют. На них изображены поля, тракторы, комбайны, люди, измеряющие глубину вспашки, но нет в этих полотнах живой жизни. В лучшем случае авторы таких картин относительно правильно (с точки зрения агротехники) изображают процессы сельскохозяйственного производства, а это, разумеется, еще очень далеко стоит от полнокровного художественного произведения, способного волновать, тревожить, доставлять радость от встречи с красотой правды, вечной спутницы искусства.

Многих художников пленяют романтические события, сильные, крупные характеры. Однако где же значительные художественные произведения о таком увлекательном, полном героической романтики, высокого патриотического подъема явлении, как наступление нашей молодежи на целинные земли? У нас нет еще достойных картин об этих энтузиастах, вступивших в битву с природой за хлеб. Правда, на последних выставках появились этюды, реже — картины, привезенные художниками с целины. Но преимущественно это — только художественный репортаж, отдельные зарисовки о людях и событиях на целинных землях. Эти произведения позволяют надеяться, что лед тронулся. И хотя говорят, что рано еще ждать монументальных произведений на темы целины — они требуют времени, — хочется, чтобы все-таки скорее претворялись в жизнь наши творческие планы.

Последние выставки характерны тем, что на них все чаще появляются жанровые картины. Особенно широкое развитие жанр получил после критики пресловутой теории бесконфликтности. Все возрастающий интерес к жанру сам по себе очень показателен. Ведь жанровые картины позволяют художнику сосредоточить свое внимание на повседневной жизни советского человека, позволяют ему вести правдивый, откровенный разговор со зрителем на темы сегодняшнего дня. Не случаен успех таких картин, как «Отдых после боя» Ю. Непринцева, «Вернулся» и «Обсуждение двойки» С. Григорьева, «Свежий номер цеховой газеты» А. Левитина и Ю. Тулина и ряда других жанровых полотен.

Совсем в недавние времена у нас создавалось много парадных, помпезных картин. Беда их заключалась не в том, что народ изображался в дни торжеств и празднеств, а в том, что советские люди на них выглядели как статичная и безликая серая масса, хотя и разодетая в яркие костюмы.

Работа над жанровой картиной приближает художника к простому советскому человеку, дает возможность пристальнее вглядеться в его внутренний мир, в его психологию. И жаль, что некоторые художники, работая в области жанра, не выходят за рамки мелкого, незначительного анекдота, иногда просто иллюстрируют второстепенные события жизни. Между тем основная задача жанровых картин — раскрывать типические явления действительности.

В жанре появились и элементы критики, черты сатиры. Это помогает бороться с недостатками, разоблачать пережитки прошлого. Только не надо путать серьезную, умную критику с пустым, дешевым зубоскальством, с обывательщиной, с желанием любыми и порой сомнительными средствами позабавить зрителя.

К сожалению, очень многие картины не могут удовлетворить нас своим художественным качеством. А ведь самые хорошие побуждения автора, если его художественный язык слаб и невыразителен, оказываются засекреченными от зрителя.

На последней всесоюзной художественной выставке была показана картина Н. Соколова-Скаля «Священные камни. (Севастополь)». Приподнятость образов, романтика, свойственная лучшим произведениям художника, здесь оказались подмененными ложной, условной патетикой. Картина оказалась неудачной и неубедительной. Герои ее позируют, сюжет надуман.

На этой же выставке зрители увидели картину художника Н. Кривоногова. Она изображала народное торжество в честь пуска Волго-Донского канала. К сожалению, в огромном по размерам полотне, на котором было изображено поистине несметное количество персонажей, не оказалось сколько-нибудь запоминающегося лица. Картина населена безликими людьми. Побуждения автора резко разошлись с конечным результатом картины. Художник хотел создать картину радостную и яркую, а получилось скучное и вялое полотно.

Примерно то же произошло и с картиной А. Дейнеки «Снегурочка». По замыслу автора, девушка, изображенная на холсте, вероятно, должна была олицетворять бодрую, сильную советскую молодежь. Но красивость подменила настоящую, здоровую красоту, а жеманство — живую, чарующую грацию.

К сожалению, эти примеры могут быть умножены. Мало мы создаем сегодня произведений широкого дыхания, по-настоящему глубоких, художественно ярких.

Сейчас у нас, художников, — горячая пора. Близится съезд художников. Уже не за горами выставка, посвященная великой дате — сорокалетию социалистического государства. Как много нужно рассказать языком изобразительного искусства о делах советских людей в годы пятилеток, о грандиозных преобразованиях, в корне изменивших лицо нашей страны, о героике Великой Отечественной войны, о великом деле борьбы за мир, о непобедимом союзе мирных народов, возглавляемых нашим народом, могучим и миролюбивым.

Словом, дел — непочатый край.

Художник не может с холодным расчетом на важность темы сочинять полотно на «актуальную тематику». Истинный художник всегда руководствуется принципом: «Я говорю об этом, потому что не могу не говорить!». И плохо, что иногда не чувства, не благородные идеи ведут кисть художника, а холодный расчет, желание угодить и понравиться. В таких случаях его произведение само становится суровым обличителем своего автора. Я не знаю примера такого ловкого лицемерия, где бы приспособленец мог всерьез обмануть человека, любящего искусство.

В картине концентрируются мысли и чувства художника, его миропонимание. Только художник, искренне живущий передовыми идеями своего времени, способный глубоко понять явления окружающей его жизни, может создать произведение, правдиво отражающее черты эпохи.

Осталось мало времени до открытия 1-го съезда советских художников. В эти дни с особой настойчивостью возникают основные принципиальные вопросы, которые призван обсудить этот очень долгожданный съезд. Казалось бы, уже сейчас должны развернуться широкие творческие дискуссии, глубокие и принципиальные споры по важным проблемам изобразительного искусства. К сожалению, практика говорит о другом.

В союзах художников идут многочисленные заседания, обсуждаются самые разнообразные организационные вопросы, среди которых первое место принадлежит работе художественных фондов и удивительно мало внимания уделяется творческим проблемам (кстати, это вообще характерно для работы союзов художников). Думается, что деятельность союзов нуждается в коренной перестройке. Основой ее раз и навсегда должны стать вопросы творчества.

Перед советскими художниками открыт широкий путь, путь большого труда, серьезных творческих задач. Вооруженные историческими решениями XX съезда партии, советские художники преодолеют недостатки в своей работе и сумеют создать новы значительные произведения на большие темы нашей жизни.

СОВЕТСКО-АНГЛИЙСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ

В БЛИЖАЙШЕЕ время жители многих наших городов смогут ознакомиться с лучшими образцами английского искусства.

20 марта в Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина в Москве откроется большая выставка картин английских художников XVII—XIX веков. Наряду с классическими произведениями живописи, принадлежащими кисти таких мастеров, как Лоуренс, Рейнольдс, Ребёрн, Ромней, Гейнсборо, Хоппер, Констебль и другие, будут экспонированы и работы графиков. Мы увидим рисунки, литографии и гравюры таких известных художников, как Бонингтон, Фильдинг, Хогарт, и других.

Большой интерес представит раздел выставки прикладных искусств, где будет показан: английский фарфор заводов Челси и Веджвуда, уникальные коллекции серебряных изделий, резных камней и т. д. Для выставки собрано все лучшее в изобразительном и прикладном искусстве Англии, что хранится в наших музеях, например, в «Эрмитаже», Музее имени А. С. Пушкина, Государственном музее керамики и «Усадьба Кусково XVIII века».

В Москве, Ленинграде и других городах будет дан цикл концертов английской музыки. В их программе — произведения английских композиторов в исполнении лучших советских симфонических оркестров.

В кинотеатрах будут показаны демонстрировавшиеся у нас с большим успехом английские фильмы «Леди Гамильтон», «Багдадский вор», «Джунгли», «Записки Пиквикского клуба».

Как известно из сообщения о пресс-конференции, устроенной на днях министром культуры СССР Н. Михайловым, Лондонскому филармоническому оркестру и группе ведущих солистов во главе с композитором Блиссом сделано предложение посетить Советский Союз. Приезд английских гостей был бы встречен советскими людьми с большим интересом — Лондонский филармонический оркестр является одним из лучших в Англии. В его репертуаре—произведения Бетховена, Баха, Брамса, Шуберта, а также современных английских и советских композиторов — Уолтона, Бриттена, Шостаковича, Прокофьева, Хачатуряна, Кабалевского и других. Глазный дирижер оркестра — Адриан Боулт. Можно надеяться, что в группе композитора Блисса нашу страну посетят и такие талантливые музыканты-исполнители, как альтист Уильям Примроуз, скрипач Альфредо Камполи, дирижер Кларенс Рейбоулд.

Со своей стороны Министерство культуры СССР готово направить в Англию делегацию деятелей искусств, организовать там выставки русского изобразительного искусства и показ советских фильмов. Несомненный интерес для английских зрителей представили бы выступления советского балета.

ЗА РУБЕЖОМ

СОБЫТИЯ И КОММЕНТАРИИ

Маклофлин не желает краснеть

Нет ничего проще, чем изобличить лондонского радиокомментатора Маклофлина в империалистической идеологии. Для этого даже не нужно прибегать к глубокому анализу его высказываний, достаточно просто процитировать Маклофлина. Основной мотив его редкостного по откровению выступления 7 марта: «Да, я плохой, я реакционер и тем горжусь».

Маклофлин берет в союзники британского премьер-министра прошлого века Бенджамина Дизраэли. Он вспоминает слова Дизраэли о том, что никогда не нужно просить извинения. И вслед за Дизраэли Маклофлин заявляет, что и в самом деле незачем краснеть и не следует просить пардона. Что он имеет в виду?

Выступление Маклофлина посвящено только что закончившейся в Карачи сессии совета СЕАТО — агрессивного блока колониальных держав в Юго-Восточной Азии. Вопреки стремлению народов к миру и дальнейшему ослаблению напряженности в Азии, участники слета в Карачи демонстративно проводят политику «с позиции силы», придавая блоку СЕАТО более «зубастый» характер. Маклофлин безоговорочно одобряет подобное поведение англо-американских политических стратегов. «Я надеюсь, что Даллес и Ллойд не будут извиняться в Азии за то, что они говорили и делали в последнее время», — заявляет он.

Отлично понимая, что народам Азии ненавистны любые формы колониализма, он тем не менее с непревзойденным цинизмом изрекает: «Некоторые индийцы говорят, что багдадский пакт и СЕАТО не должны были быть созданы, потому что они усиливают напряженность и содействуют расколу мира на два лагеря. Иными словами, они пытаются заставить нас краснеть. Они обращаются к нашей совести, и некоторые англичане действительно краснеют. Признаюсь, я не делаю этого». И это сущая правда. Чувство стыда неведомо Маклофлину.

Говоря о «помощи» Запада странам Азии и Востока, Маклофлин снова выставляет напоказ свое империалистическое кредо: «Нам говорят, что отсталым странам нужно предлагать помощь, не связывая ее какими бы то ни было условиями... Мне лично кажется, что такая точка зрения неразумна. Помощь должна оказываться тем странам, в развитии которых мы заинтересованы». Чтобы не быть голословным, он тут же призывает отказать Индии в долгосрочных займах для развития таких отраслей экономики, которые впоследствии будут национализированы. При этом Маклофлин знает, как отнесется к этому общественность: «Нас будут обвинять в том, что мы нарушаем независимость Индии, связываем нашу помощь определенными условиями и поступаем, как старомодные империалисты. Такие обвинения могут заставить многих краснеть и заикаться от смущения». Но, конечно, не самого Маклофлина и его работодателей!

Правда, на сей раз Маклофлина все же смущает тот факт, что навязывание политических условий при оказании помощи выглядит особенно постыдно на фоне благородных действий Советского Союза, предоставляющего бескорыстную и щедрую помощь слаборазвитым странам. И вот с легкостью необыкновенной Маклофлин пытается опорочить политику Советского Союза. «Россия предлагает помощь только тем странам,— клевещет радиокомментатор,— которые она надеется держать вне западного лагеря благодаря этой помощи». Он утверждает, будто Советский Союз «не предлагает ничего Пакистану, потому что Пакистан уже является членом багдадского пакта и соперничает с Индией». Ложь! Радиослушатели Маклофлина отлично помнят, что месяц назад, 7 февраля Н. А. Булганин, отвечая на вопросы телеграфного агентства «Юнайтед Пресс оф Пакистан», подчеркнул готовность Советского Союза без каких-либо политических, военных или иных требований продавать Пакистану промышленное оборудование, различные машины и товары.

Так обстоит дело с вопросом о советской помощи Пакистану. Видимо, придется все-таки мистеру Маклофлину нарушить заповедь Дизраэли и попросить извинения у обманутых им радиослушателей!

Кстати сказать, Маклофлин сослался на Дизраэли не только потому, что ему приглянулось удачное выражение покойного премьера. Дизраэли называют творцом английского империализма. Каждый год 19 апреля, в день смерти Дизраэли, поклонники его талантов вдевают в петлицу подснежник — любимый цветок премьера, почившего в 1881 году. Мы не сомневаемся, что мистер Маклофлин ежегодно украшает лацкан своего пиджака подснежником. Конечно, это дело вкуса. Но одно дело подражать вкусам, а другое—методам. Даже самым ярым последователям Дизраэли следовало бы понять, что сегодня его методы безнадежно устарели.

М. ВИЛЕНСКИЙ

Брожение умов в ФРГ

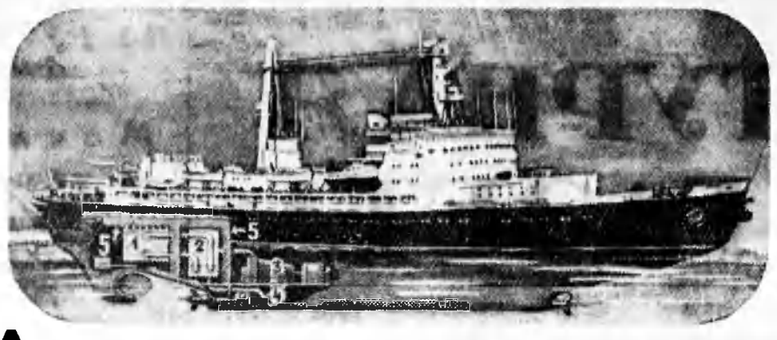
«Брожение в западном блоке»,— так озаглавлена статья, опубликованная в одном из мартовских номеров западногерманской буржуазной газеты «Зюддейче цейтунг». Как и многие другие органы западноевропейской печати, она ставит вопрос о необходимости изменения политики западных держав.

Западногерманская газета подчеркивает, что «также и в Америке многие разумные люди в обеих крупных партиях отнюдь не считают «политику силы» г-на Даллеса пределом мудрости». Выражая мнение общественности, которая отдает себе отчет в том, что политика «холодной войны» чревата лишь отрицательными последствиями для народов, «Зюддейче цейтунг» пишет: «Брожение, которое происходит в настоящее время в западных странах, является не в последнюю очередь результатом застывших формулировок, с которыми выступает в своих речах Даллес».

Высказывания «Зюддейче цейтунг» типичны для настроений в Федеральной Республике Германии. Не так давно американская печать, критикуя стремление к «нейтрализму» в таких странах, как Франция, Италия, изображала Западную Германию в качестве «опоры» агрессивных блоков в Западной Европе. Сегодня те же американские органы прессы поют по-иному. «Нью-Йорк геральд трибюн», например, отмечает «тревожные симптомы» недовольства политикой милитаризации в Западной Германии и указывает, что три партии, представленные в бундестаге, — социал-демократы, Свободная демократическая партия и Общегерманский блок, — «являются сторонниками пересмотра отношения Западной Германии к западному союзу...».

Вынужденное признание безрадостных для «атлантической» политики фактов!

А. М.



Атомная энергетика

Г. ПОКРОВСКИЙ,
профессор, доктор технических наук

В ШЕСТОЙ пятилетке перед советской наукой поставлены такие величественные и увлекательные задачи, о которых люди и мечтать не смели несколько десятилетий назад. Речь идет о дальнейшей борьбе за покорение человеком сил природы. Сегодняшняя наша работа является лишь одним из этапов этого безостановочного расширения власти человека над ее могучими силами.

Особенно ярко это можно проследить на развитии энергетики. В ближайшие годы, как известно, начнется создание единой энергетической системы, которая охватит сначала европейские части страны, а затем и Сибирь. Для передачи электроэнергии на дальние расстояния необходимы весьма высокие напряжения. Напомним, что, например, передача энергии с Куйбышевской ГЭС в Москву осуществляется переменным током при напряжении в 400 тысяч вольт. Новейшие достижения в области электрофизики, несомненно, позволят еще более повысить напряжение, а в недалеком будущем освоить технику и дальней передачи постоянным током, что будет еще выгоднее.

Если посмотреть на карту нашей страны, то каждому бросятся в глаза огромные территории, примыкающие к Ледовитому океану. В недрах этих территорий таятся громадные запасы полезных ископаемых. Уже сейчас на Севере наметились три больших центра горной промышленности — Кольский полуостров, Воркута — на Северном Урале, Норильск — в низовьях Енисея. Но природа Севера сурова, и широкий размах производства, создание культурных условий труда и жизни требуют там огромных количеств энергии, дающей свет и тепло в долгие полярные ночи.

Между тем местные источники энергии в северных районах распределены неравномерно. Правда, Кольский полуостров имеет значительные возможности для быстрого развития гидроэнергетики. В низовьях Оби можно было бы создать гигантскую гидростанцию. Но ведь самое развертывание столь крупного строительства связано с необходимостью иметь уже на месте серьезные источники энергии. Обширные пространства занимают у нас пустыни, которые также таят немало богатств. Вот почему огромное значение имеет создание в таких районах мощных энергетических центров, не требующих подвоза топлива. Здесь и входит в нашу плановую экономику атомная энергия.

Атомная станция, вне зависимости от дальности района, в котором она сооружена, может давать энергию, примерно равную по своей стоимости той, которую вырабатывает обычная тепловая станция. Ведь ядерное «горючее» — самое, так сказать, портативное из всех известных видов топлива. Если для тепловой электростанции мощностью в полмиллиона киловатт, работающей на угле, требуется в год примерно сто тысяч вагонов топлива, то для атомной станции такой же мощности понадобится в год лишь несколько вагонов урана. Перевозка такого небольшого количества «горючего» на любое расстояние, разумеется, не представит затруднений. Вот почему в отдаленных районах страны, не имеющих собственной топливной базы, атомные станции становятся логически неизбежными звеньями нашей энергетической системы.

Как указано в Директивах XX съезда партии, предусмотрено построить в течение 1956—1960 гг. атомные электростанции общей мощностью 2—2,5 миллиона киловатт. В их числе, как сообщил в своей речи на съезде академик И. Курчатов, две станции общей мощностью в один миллион киловатт намечается создать на Урале, а одну станцию мощностью в четыреста тысяч киловатт — вблизи Москвы. Надо учесть, что одна станция электрической мощностью в 100 тысяч киловатт должна иметь один или несколько реакторов с общей тепловой мощностью около 400 тысяч киловатт. Поэтому для выполнения такой программы придется построить за шестую пятилетку около десяти типов атомных реакторов электрической мощностью от пятидесяти до двухсот тысяч киловатт каждый. Среди них будут реакторы на быстрых и медленных нейтронах, на нейтронах промежуточных энергий, реакторы с замедлителями из графита, бериллия, тяжелой и простой воды, с газовым, водяным и металлическим охлаждением. Будет построен мощный реактор с использованием тория.

Следует заметить, что хотя общая вводимая мощность атомных электростанций и велика, — она приравнивается к такому гиганту, как Куйбышевская ГЭС, и превосходит, по опубликованным данным, аналогичные планируемые мощности атомных станций в США и Англии, — наши новые установки рассматриваются еще как большой эксперимент, проводимый государством в поисках более надежных и экономичных путей решения этой проблемы. Они помогут определить, какой объем в седьмой и последующих пятилетках должна занять атомная энергетика в общей энергетике нашей страны.

Большую роль в условиях Арктики могут сыграть подвижные атомные электростанции. Их можно поставить в связь с проблемой перевода советского полярного флота на атомные двигатели, которая представляется нам весьма важной.

Атомный двигатель, как известно, тяжелее паросиловой установки современного корабля, имеющей ту же мощность. Во-первых, в атомном двигателе необходимо обеспечить теплопередачу из реактора в паровой котел. Кроме того, атомный реактор должен быть окружен тяжелыми стенками биологической защиты, предохраняющими людей от вредных излучений продуктов распада атомного «горючего». Однако дополнительный вес атомного двигателя возмещается тем выигрышем, который получается в результате ничтожного веса атомного «горючего». При ядерном расщеплении, или, иначе говоря, делении одной тонны урана-235, будет выделяться столько энергии, сколько при сгорании двух миллионов тонн угля.

Корабль, имеющий атомный двигатель, может плавать без дополнительной заправки горючим до тех пор, пока его машины не потребуют ремонта. Поэтому можно создавать атомные суда, способные совершать любые переходы в Арктике, не опасаясь длительного отрыва от баз. Выигрыш в весе за счет замены громоздкого и тяжелого запаса обычного топлива атомным «горючим» позволит повысить и мощность машин и прочность корпуса, что улучшит и навигационные возможности корабля.

«ЗНАЧИТЕЛЬНО РАСШИРИТЬ В ШЕСТОЙ ПЯТИЛЕТКЕ ПРИМЕНЕНИЕ АТОМНОЙ ЭНЕРГИИ В МИРНЫХ ЦЕЛЯХ...»

(Из Директив XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1956—1960 годы).

Важным шагом на пути внедрения атомной энергетики в арктический морской транспорт послужит создание первого в мире атомного ледокола, что намечено среди других важнейших задач атомной техники в Директивах XX съезда КПСС.

Атомный ледокол — это не только средство транспорта, средство борьбы со льдами. Мощная энергетика такого корабля превращает его в плавающую энергостанцию, которая может обслуживать морское побережье Арктики. Многие крупные реки, впадающие в Ледовитый океан, пригодны для плавания крупных морских судов на протяжении сотен километров. На берегах этих рек также найдется немало потребителей не только энергии, но и огромных запасов тепла, вырабатываемых атомным ледоколом, способным плавать во льдах в любое время года. Таким образом, этот ледокол послужит не только энергостанцией, но и плавающей «теплоцентралью».

Идея использования атомной энергии в арктическом морском транспорте может быть легко развита дальше. В последние годы американская и английская печать очень много писала об атомных подводных лодках. Их двигатели, в отличие от обычных паровых двигателей или моторов внутреннего сгорания, не требуют для своей работы воздуха, поэтому атомная подводная лодка может очень долго двигаться под водой, развивая весьма высокую скорость.

Иностранная печать, к сожалению, весьма односторонне подошла к этой проблеме, увидев лишь ее военные перспективы. А ведь в Арктике имеются неисчерпаемые возможности применения атомных подводных кораблей для мирных целей. Дело в том, что даже использование мощных атомных ледоколов не позволяет полностью избежать трудностей борьбы со льдами. Между тем везде, где глубины достаточны, между льдом и дном океана имеется слой спокойной воды, в котором атомный подводный корабль может идти легко и спокойно, не испытывая неприятной качки, влияния ветра, обледенения и мороза. В местах, где необходимо всплыть, можно разрушать льды взрывами специальных торпед или бурить слой льда особыми бурами большого диаметра. В портах могут быть устроены укрытые от мороза доки, куда корабль входил бы непосредственно в подводном положении и всплывал уже прямо в доке.

В дальнейшем не исключена возможность использования атомных подводных кораблей также для рыбного промысла в морях Арктики и Антарктики.

Освоение отдаленных окраин Советского Союза требует развития дальней пассажирской и транспортной авиации. В наше время не представляет трудностей создать скоростной реактивный самолет, совершающий за несколько часов беспосадочный рейс Москва — Владивосток. Однако условия подобных полетов требуют, чтобы самолет мог преодолеть значительно большее расстояние, чем длина заданного маршрута: если нельзя сесть в пункте назначения, пилот должен иметь возможность перелететь на любой другой аэродром.

Теория показывает, что можно сконструировать скоростной транспортный атомный самолет весом около ста тонн, способный без посадки совершить даже кругосветное путешествие.

В шестой пятилетке должны широко развернуться работы по силовым атомным установкам не только для ледокола, но и для других кораблей, авиации и сухопутного транспорта.

В недалеком будущем развитие атомной энергетики позволит решать и другие, более широкие задачи. Дело в том, что применение нефти, угля, газа, горючих сланцев для получения тепловой энергии не является наилучшим путем использования этого ценного природного сырья. Его выгоднее использовать в химической промышленности для синтеза самых разнообразных веществ, необходимых промышленности и сельскому хозяйству. Это тем более существенно, что запасы угля, нефти и газа в природе, в сущности, ограниченны. Запасы же урана и тория, являющихся сырьем для производства атомного «горючего», по заключенной в них энергии примерно в двадцать-тридцать раз превосходят запасы других видов природного топлива. Постепенная замена атомными установками всех других установок, потребляющих обычные виды топлива для получения энергии, является, на наш взгляд, важной перспективной проблемой всего народного хозяйства.

И в то же время, как бы ни были многообразны пути развития атомной техники, основанной на использовании урана и тория, ее сейчас уже нельзя считать последним и наивысшим достижением науки. Пожалуй, гораздо большими перспективами обладает другая область ядерной физики и техники, использующая энергию, выделяемую при образовании легких химических элементов из тяжелого водорода и лития.

Тяжелый водород (дейтерий) содержится в обычной воде в количестве около 40 граммов на тонну. Это кажется очень незначительным. Но, как известно, каждый грамм тяжелого водорода может дать столько же энергии, сколько десять тонн нефти.

Другой вид сырья, пригодный для извлечения энергии, — это легчайший металл литий. Он пока не добывался в значительных количествах, потому что потребность в нем была невелика. Но в среднем каждая тонна земной коры содержит 65 граммов этого металла, что по запасам энергии равноценно ста тоннам нефти. Разумеется, не из всякого природного соединения целесообразно получать литий. Во всяком случае, есть огромные возможности добычи этого химического элемента из литиевых руд, имеющихся в Забайкалье, Восточном Казахстане, Средней Азии и некоторых других местах.

Выделение энергии из тяжелого водорода и лития получается в результате термоядерных реакций. Чтобы начать термоядерную реакцию, необходимо «поджечь» соединение этих веществ (например, гидрид лития) источником тепла, развивающим температуру в десятки миллионов градусов. Такую температуру дает пока единственный источник тепла, доступный человеку, — атомный взрыв. «Поджигая» атомным взрывом термоядерное «горючее», мы заставляем его взрываться с чрезвычайно большой силой. Таким образом, прямым и наиболее простым путем получения энергии из тяжелого водорода и лития является взрыв.

Вообще же этот путь не единственный в природе. Известно, что солнце и звезды являются гигантскими реакторами, в которых непрерывно происходит соединение ядер легких химических элементов и выделение огромных количеств тепла. Эти процессы возможны потому, что внутри солнца и звезд непрерывно держится температура в десятки миллионов градусов. Такие условия на земле мы пока можем создать лишь на миллионные доли секунды — при термоядерном взрыве. Теперь надо научиться получать эту могучую энергию, избегая взрыва.

Одна из фундаментальных задач науки и техники заключается в том, чтобы найти способы создать регулируемую, непрерывно протекающую термоядерную реакцию. Решение этой труднейшей, но величественной задачи навсегда сняло бы с человечества заботу о необходимых для его существования запасах энергии. Управляемая термоядерная реакция даст возможность получать энергию не из атомных ядер таких редких элементов, как уран и торий, а за счет образования гелия из водорода — вещества, широко распространенного в природе, — и направить ее на службу народу.

Советская наука, руководимая и вдохновляемая нашей партией, даст всем странам и народам земного шара пример мирного использования могучих сил природы на благо человека.

На верхнем рисунке — схема атомного ледокола: 1 — его атомный реактор, 2 — паровые котлы, 3 — турбогенераторы, 4 — холодильники, 5 — биологическая защита (заштрихована).

На нижнем рисунке — схема самолета с атомным двигателем: 1 — атомный реактор, 2 — реактивные двигатели, 3 — грузовой отсек, 4 — помещение для пассажиров и кабина пилотов.

ПО СТРАНИЦАМ ГАЗЕТ

С жизнью, с народом, с партией

Этой важнейшей проблеме, стоящей сегодня перед деятелями литературы, посвящена статья критика Бориса Буряка, опубликованная на днях в газете «Радянська Україна». Критик рассматривает в ней, как наша современность отражается украинской литературой последних лет.

За последний период, отмечает автор статьи, советские писатели создали немало положительных образов — носителей типических черт человека социалистического общества, образов, которые стали популярны и любимы в народе, которым следуют не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами.

Характеризуя современное состояние украинской литературы, Б. Буряк пишет, что в лучших образах, созданных А. Корнейчуком, О. Гончаром, Я. Башем, М. Стельмахом, мы узнаем наших современников, которые выступают носителями коммунистической этики и морали. Писатели, показывая их трудовую деятельность, поставили в центр проблемы «человековедения», а не технологические проблемы, они решают вопросы отношения человека к труду шире, в философском понимании, как вопросы идейности и художественности.

Но вместе с тем нужно честно посмотреть правде в глаза и сказать, что связь с жизнью у некоторых писателей не только ослабла, но совсем оборвалась, в результате чего за последнее время у нас появились произведения посредственные, малохудожественные, в которых действуют скучные и бескровные герои. К сожалению, такие произведения не встречают надлежащей оценки не только в издательствах, но и в нашей критике, которая, надо сказать, еще слабо вмешивается в литературный процесс, недостаточно занимается разработкой теоретических, эстетических проблем.

Вопросы партийности — это вопросы идейности и художественного мастерства,— говорится в статье. А у нас партийность кое-кто понимает только как обязанность вводить в произведение должность партийного работника, миссия которого сводится преимущественно к тому, чтобы подсказывать что-то положительным или отрицательным персонажам, быть авторским рупором. Образы партийных работников строятся по схеме — они должны быть обязательно непогрешимыми, стерильными. В пьесе, повести, романе авторы в большинстве случаев не наделяют их активной ролью в решении основного конфликта. Чаще всего эти герои наблюдают и поучают. Другие персонажи художественного произведения любят, ненавидят, борются, радуются, страдают, а партийный работник смотрит на это с высоты своего положения и только иногда произносит поучительные суждения.

Необходимо, чтобы в литературе, заканчивает статью Б. Буряк, было отведено достойное место нашему современнику, который заслужил это своими чудесными делами и благородными стремлениями. Следует отметить, что в этом отношении наши писатели сделали еще мало; особенно мало у нас написано произведений о героическом рабочем классе. Образ человека труда порой обедняется: вместо художественного раскрытия его внутреннего мира читателю преподносят описания производственно-технических или агротехнических процессов. Писатели при этом не учитывают самой специфики литературы, они забывают, что способность героя переживать, воспринимать окружающий мир через призму чувств, его эмоциональность — это и есть духовное богатство героя, без чего он будет бескровным, неинтересным как в труде, так и во взаимоотношениях с другими персонажами, не сможет по-настоящему радоваться или гневаться. Тут уместно напомнить нашим литераторам прекрасные слова В. И. Ленина: «...без «человеческих эмоций» никогда не бывало, нет и быть не может человеческого искания истины».

Сила художественной литературы — в ее связи с жизнью, с народом, с партией, которая всегда вела и дальше будет вести борьбу против неправдивого изображения советской действительности, против попыток лакировать ее или, наоборот, охаивать и порочить то, что завоевано нашим народом.

ВСТРЕЧИ С УЧЕНЫМИ

ТАШКЕНТ. (Наш корр.). «Знание — сила» — так назывался этот интересный вечер вопросов и ответов. В один из клубов, где собрались старики — главы больших семейств, пришли известные узбекские ученые самых различных специальностей — философы, химики, биологи, астрономы, физики, геологи, математики.

Завязался разговор о науке, о жизни, о природе. «Как человек научился управлять силами природы» — этой теме посвятили свои беседы, иллюстрируя их опытами по физике и химии, доктор физико-математических наук У. Арифов и доктор химических наук Х. Усманов. Увлекательно рассказал о новейших достижениях техники доктор технических наук Х. Фазылов.

Только к полуночи, демонстрацией научно-популярного фильма о первой в мире советской атомной электростанции, закончился этот интересный вечер, организованный людьми, умеющими искать и находить новые доходчивые формы культурно-просветительной работы.

Врач вызывается по радио

Интересное новшество осуществляет Московская станция скорой помощи — одно из крупнейших медицинских учреждений столицы. Ею устанавливается двусторонняя радиосвязь со всеми машинами, выезжающими по вызову к больным.

Оборудуется автоматически действующая приемная станция. Диспетчер в любой момент может по радио связаться с врачом машины скорой помощи, где бы она ни находилась, и направить по новому адресу. Выезд врачей к нуждающимся в срочной медицинской помощи будет таким образом еще более ускорен.

Новые книги

Афиногенов А. Пьесы. «Советский писатель». 387 стр. Цена 9 руб. 45 коп.

Важов П. Публицистика. Письма. Дневники. Свердловское книжное издательство. 272 стр. Цена 8 руб. 65 коп.

Егоров В., Полищук Я., Привалов В. Не проходите мимо. Роман-фельетон. «Молодая гвардия». 285 стр. Цена 6 руб. 50 коп.

Образцы таджикской поэзии. Переводы В. Державина. Сталинабад. Таджикское государственное издательство. 270 стр. Цена 6 руб. 15 коп.

Очерк истории русской советской литературы. В 2-х ч. Издательство Академии наук СССР. Ч. 2. 348 стр. Цена 10 руб. 50 коп.

Приваленко М. Валентин Овечкин. Критико-биографический очерк. Курское книжное издательство. 128 стр. Цена 2 руб.

Шмаков А. Петербургский изгнанник. Исторический роман. Кн. 3. Новосибирское книжное издательство. 272 стр. Цена 5 руб. 45 коп.

Михаил КУДРЯШОВ

ОТЛИЧНИК

Он вбежал —
и с порога прямо:
— Мне похвальная грамота,
мама!
А в глазах его столько солнца,
Что светлее стало вокруг.
Мама рада—она смеется.
Дед доволен — вот это внук.
И отец, что пал под Берлином,
Тоже мог бы гордиться сыном.

г. РЯЖСК, Рязанской области.

Повесть о том, как восьмой класс «Б» ходил в поход

Необычное оживление царило 17 июня 1955 года в семь часов утра в Москве на Чистопрудном бульваре. Здесь собралась группа школьников, нагруженных рюкзаками. Им предстоял пятнадцатидневный переход. С туристами шли молодые учительницы — комсомолки Тамара Яковлевна Матюхина и Инесса Захаровна Малинкович. В последнюю минуту вспомнили, что у Марины есть дома баян, и тут же сбегали за ним. Марина было запротестовала — не понесу, тяжело. Тогда перед выстроившимся отрядом Слава Рубцов и Витя Красовский стали на колени и торжественно произнесли: «Будем безропотно тащить этот ящик по холмам и возвышенностям Клинско-Дмитровской гряды. Клянемся!». И строй дружно ответил: «Верим!».

Сколько звонких туристских песен было спето у походных костров под этот баян, сколько дождливых вечеров он скрасил! Погода путешественников не баловала: шесть дней, не переставая, лили дожди. Но ни разу никто не пожаловался на трудности; на вечерних пятиминутках не было повода говорить о том, что кто-то отлынивает от работы, нарушает порядок. Когда заболел Миша Титов (и такое бывает в походах), семеро мальчиков ночью, после дневного перехода, отправились за врачом; они прошли пятнадцать километров, а утром, как обычно, несли обязанности кашеваров и костровых.

Дружно, интересно и — не побоимся этого слова — весело провели две недели двадцать восьмиклассников. И футбольные матчи с местными командами, и переправы вброд, и блуждания по лесу, и взволнованное молчание, когда, взобравшись на холм, стоишь ошеломленный красотой открывающегося перед тобой простора, — это надолго останется в памяти.

Не с пустыми руками вернулись туристы домой. Они привезли собранные по крупицам у старожилов биографии мастеров, истории игрушек, статуэтки из дерева, привезли новые знания о родном крае и его людях. Отчитались за поход и взрослые и дети. Учителя — на педагогическом совете, школьники — на вечере, который они устроили для родителей. И все в один голос решили, что поход был удачным. Ребята уже мечтали о новом путешествии — по Ленинградской области.

И вдруг — приказ за номером 518.

В этом приказе, подписанном заведующим отделом народного образования Куйбышевского района тов. Курылевым, сказано, что «проведенный поход 612-й школы показал, как не нужно проводить туристские походы, так как в группе отсутствовала дисциплина, отсутствовал коллективизм, отсутствовала целенаправленность, отсутствовало желание познакомиться с природой Подмосковья». Последняя строка гласит: «...наложить на учительницу Матюхину взыскание».

Как же так? Каким образом, не выходя из своего кабинета, тов. Курылев разглядел все эти «отсутствия»? Оказывается, тому виной небольшой альбом, сорок страничек которого заполнены шутливыми рисунками и исписаны аккуратным ребячьим почерком. На обычном человеческом языке он называется дневником, ребята назвали этот дневник «Повестью о том, как восьмой класс «Б» ходил в поход»; а тов. Курылев в беседе с нами именовал его «спорным документом». Спорным потому, что тов. Курылев еще не уяснил себе окончательно, «можно ли отчитываться за поход таким документом».

Зато никаких сомнений насчет похода нет ни у директора городской детской экскурсионно-туристской станции тов. Галченковой, ни у директора районного Дома пионеров тов. Алексеевской. На их мнение и положился тов. Курылев. А оба директора, не поговорив ни с ребятами, ни с учителями, ни с родителями, в один голос решили: поход, как явствует из дневника, проведен безобразно.

Вот перед нами лежит этот «спорный документ». Говоря откровенно, нам он понравился. Ребячьи записи, быть может, не блещут глубиной мысли, но подкупают искренностью и жизнерадостностью. Мы беседовали с товарищами Алексеевской и Галченковой, стараясь выяснить, что же в дневнике вызвало столь отрицательную их оценку. Слева мы приведем несколько выдержек из дневника, справа — дословно записанный нами комментарий, который, надеемся, авторы его не откажутся повторить каждому, кого заинтересует эта история. Для полной точности сообщаем: большую часть афоризмов мы услышали от тов. Алексеевской, но рассуждения тов. Галченковой имели тот же смысл.

Писали ребята:	Оценивали взрослые:
«День первый. 17 июня 1955 г.».	Каков порядок слов в предложении: что это — библия?!
«Мы решили прихватить баян с Мариной. Тут же Рубцов и Красовский поклялись страшной клятвой тащить его».	Помилуйте, баян взяли, тру-ля-ля, пикник — разве это туризм? И вынудили школьников давать какую-то клятву. А где же настойчивость туристов?
«В Загорске нас постигла неудача. В музей Троице-Сергиевой лавры мы не попали — в пятницу он не работает».	Выламывали зеркала в старинной школе, звезды считали вместо того, чтобы делом заниматься! Общественное питание не прививалось, кормление было раздельным, хотя школы давно перешли на совместное обучение.
«Вечер провели в одной из школ города, «достопримечательности» которой изучили в совершенстве. Токарчук и Разумный пытались вынуть зеркало, которое висело в классе над камином. Марина сосчитала количество звезд на потолке, а мальчики залили пол чаем — вот к чему приводит раздельное кормление».	Использование паспортных данных в личных целях, бравирование званием москвичей.
«Переговоры о ночлеге Тамара Яковлевна открывала магической фразой: «Мы из Москвы» (эта фраза придавала нам солидность в глазах местного начальства)».	Спекуляция!
«За ужином родилась мысль обменять ненавистную тушонку на молоко. Обмен под руководством Разумного прошел удачно».	Где же правила гигиены?
«Кашевары принялись за ужин. Сказалась мужская сноровка в кулинарии. Под крик: «Кто руки не мыл, подходи!» — осуществили мытье пшена».	
«Вечером заболел наш костровой Миша Титов, температура поднялась до 40 градусов. Мы кинулись на поиски врача. Искали его всю ночь. Были у пьяного председателя колхоза — бюрократа хуже Бывалова из кинофильма «Волга-Волга». Заходили к бригадирам, просили машину или лошадь, но всюду получили отказ».	Массовые заболевания! В хорошо организованном походе больных быть не может. Издевательство над местными властями. Зачем дети высмеивают руководство, какое их дело!
«Встали в 5 утра и отправились в путь. По рассеянности прихватили с собой ключи от Богородской школы».	Туристы, как везде записано, — это носители советского гуманизма, а они вот как отблагодарили местную школу.
«Впереди шли Красовский, Рубцов и Шименкова — связные. Они изучали дорогу и оставляли дорожные знаки. Но основная группа не обратила внимания на них, устремившись по другой дороге. Как и следовало ожидать, они заблудились. Наступил вечер... мы зашли в болотистое место, тучи комаров садились на нас, лезли в нос и рот, кусались через куртки. Тогда мы закутались в одеяла и полотенца: издали казалось, что движется цыганский табор».	Связные по инструкции не полагаются. Путь ясный, шли по проторенной дороге, и блуждать нечего. Романтика, конечно, нужна, но железной дисциплины нет. Туристы должны быть одеты по форме, а не в одеялах.
«В школе, где мы остановились, был выпускной вечер. Нас тоже позвали, но мы не решались пойти: как-то не вязались наши пыльные костюмы с нарядными платьями выпускников».	Наплевательское отношение к сельскому населению, а ведь в инструкции сказано: «Проводить культурную работу среди населения». Туристы обязаны включаться... и т. д.

Кроме того, оказалось (по дневнику!), что ребят ничто не ошеломляло, не восхищало, что педагоги шли на поводу, не организовывали собраний, не учили, не призывали, а, наоборот, допускали.

И покатилась худая слава. И уже говорят об этом походе на учительских собраниях и конференциях, как о возмутительном прецеденте.

Самое грустное во всей истории — это, пожалуй, то, что «комментаторы» дневника верят в глубокий воспитательный смысл поднятой шумихи. Выходит, важно не то, что ребята сдружились, окрепли, загорели, что учителям теперь легче работать с классом; главное — отчет, сделанный по форме. По форме, не по форме, официально, не официально, инструкция, реабилитация — эти слова чаще всего употреблял тов. Курылев в беседе с нами. А ведь мы говорили о самой счастливой и шумной поре школьного года — о лете, о попутных ветрах, о путешествиях.

Да, полно, знают ли некоторые товарищи, которым поручено руководство пионерской работой, что это такое — «попутный ветер»?! Для них, пожалуй, «Взвейтесь кострами, синие ночи!» — это прежде всего нарушение нормального режима четырнадцатилетнего подростка; вынутая из угольев картошка в мундире — нарушение гигиены питания; рюкзак, снятый со спины прихворнувшего друга, — недопустимая перегрузка. И когда, придя в Дом пионеров или РОНО, слышишь, как эти люди говорят о **романтике** походов, хочется встать и, не побоясь обвинений в невоспитанности, хлопнуть дверью кабинета...

Об учительнице Матюхиной издан специальный приказ. Возможно, «в случае обнаружения недостаточности выдвинутых против нее обвинений» (именно так говорил нам тов. Курылев), приказ отменят. Но мы уверены, что уже будущим летом у Тамары Яковлевны, если она согласится возглавить это мероприятие, в походе не будет «перегрузок» и «нарушений», что будет «целенаправленность» и, конечно же, образцовый, составленный по всем правилам, отчет. Но боимся, не будет песен, смеха и настоящей дружбы. Еще два-три приказа, подобных приказу № 518, и представляем себе, как лет этак через семь-восемь из Тамары Яковлевны вырастет исправная «соцвосовская дама».

На страницах педагогических журналов, на совещаниях в школах и РОНО немало говорится о бережном собирании живого педагогического опыта, о творчестве в работе с детьми, даже — о вреде формализма. Часто слышат такие речи и педагоги Куйбышевского района. Но если уже первые дела — не бог весть какие новаторские и смелые — двух молодых, веселых, любящих своих учеников и свое дело учительниц встречают такой твердокаменный отпор, то чего стоят слова и призывы их педагогических руководителей?

Э. МАКСИМОВА,
И. СЕГЕДА

Посылка в Братск

Алтайский краеведческий музей отправил строителям Братской ГЭС копии древних географических карт рек Западной и Восточной Сибири. Эти карты составлены в конце XVIII — начале XIX века двумя экспедициями, посланными с Алтая в Нерчинск. Экспедиции исследовали водный путь на восток по притокам Оби и Енисея, Байкалу, Селенге, Ингоде, Шилке.

Первая экспедиция во главе с Никитой Евдокимовичем Корелиным отправилась из Барнаула 1 декабря 1797 года. Она исследовала путь на протяжении 4 400 километров. Вторая экспедиция вышла в мае 1798 года. Ее возглавлял Петр Кузьмич Фролов — сын известного русского изобретателя. Он составлял генеральные карты всего исследованного пути от Барнаула до Забайкалья.

В наши дни, когда на Иртыше, Оби, Енисее и Ангаре развернулось сооружение мощных гидроэлектростанций, эти карты представляют определенный практический интерес.

ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

В 1933 году в бескрайних степях Башкирии трагически погиб двадцатитрехлетний Сергей Чекмарев, выпускник Московского сельскохозяйственного института. После него остались стихи и дневниковые записи. Он не собирался печатать написанное. «Сначала я хочу жить, а потом уже писать о жизни, сперва любить, а потом писать про любовь». «Первую половину жизни я буду писать для себя, вторую половину — для всех». Его нет уже 22 года. Ему ни разу не случилось побывать в московском метрополитене, не пришлось идти пылающими дорогами большой войны. Имена Чкалова, Матросова, Космодемьянской, Кошевого остались для него неизвестными. И все же, когда читаешь его стихи и записи, кажется, что они написаны не только для нас, но и о нас. Он навсегда остался нашим товарищем, нашим современником. Все в нем дышит правдой, а правда, она всегда — ровесник молодости. Если б он остался жив, ему было бы сейчас 46 лет, но трудно поверить в это, кажется, что таким людям не может быть столько. Каждый, кто прочтет то немногое, что оставил нам Сергей Чекмарев, уже не забудет этого радостного, звонкого парня, влюбленного в Маяковского, в хруст снега под летящими санями, в хорошую и сложную девушку Тоню.

Вот он бродит по весенней Москве, уезжающий, задумчивый.

Гляди: уже по Лиственной,
Где институт мясной,
Тревожною, таинственной
Повеяло весной.
Уже ручьи забулькали
По всей аллее сплошь.
Отправишься за булками,
Не вытащишь калош.
Ворвался ветер в форточку
С заоблачных высот,
И умывает мордочку
На крыше серый кот.

Вот уже поезд мчит его на Урал. В кармане его командировка Колхозцентра. Шумно, весело в вагоне. Как бы готовясь к будущей агитработе, один из комсомольцев изображает несознательную бабу, которая никак не хочет вступать в колхоз. «Где керосин?» — спрашивает она агитатора...—«А мануфактура?». А если у тебя хозяйство погорит, отвечаем мы вопросом на вопрос, что ты будешь делать? Будешь ли ты сколачивать избу или купишь сарафан? Избу? Так делается и в стране. Сначала мы строим самое главное. Вот мы построим машинный завод, а на нем сделаем трактор, а трактор дадим в колхоз, а колхоз даст тройной урожай льна — и полки магазинов будут ломиться от мануфактуры. Так-то! Баба не знает, что и возразить. Она старается переменить разговор...».

Стихи Чекмарева естественно переходят в дневниковые записи, и записи так же естественно переходят в стихи. У него не было разделенности личной жизни и творчества. Стихи были выражением его жизни. А выражать было что. Ему не требовалось творческих командировок, для настоящего поэта его собственная биография — самая лучшая творческая командировка. У Чекмарева нет отдельно стихов о любви, отдельно стихов о труде. В его стихах все едино, все цельно, как это было и в его жизни, жаркой, непримиримой.

С какой любовью рассказывает он о своей профессии зоотехника:

Представьте:
теплый
и мягкий хлеб,
Еще отдающий
золой и печью.
Представьте:
чистый и светлый
хлев
И в прорези
милую
морду овечью...

Он обладал счастливым единством жизни и поэзии. Его поэзия,—как человек, которому нельзя не верить, даже если его мало знаешь, ибо в каждом его взгляде и движении живет большая внутренняя правда. А только внутренняя правда и может рождать поэтическую непосредственность. Какой чистотой дышат хотя бы следующие строки:

Гнедой, ты, наверно, понял,
Ты понял ли, мой Гнедой?
Какая хорошая Тоня,
Какой ее взгляд молодой!
. . . . . .
Она забрала ребенка
И ускакала в Москву,
Оставила Даше гребенку,
А нам с тобою — тоску.
. . . . . .
— Ах, Тоня! Как сердцу горько,
Как хочется быть с тобой,
Когда за кленовой горкой
Встает закат голубой...

В одной из записей Чекмарев говорит: «В наше время люди любят путешествовать, вернее, перемещаться с места на место... «Зачем вы переменили место работы?»—спрашиваем мы и часто получаем ответ: «Надоело сидеть на одном месте». В действительности же такие перемены места не обогащают ум человека... А дело в том, что, когда человек подолгу живет на одном месте, место срастается с душой и становится частью его самого. Вот когда душа человека обогащается, а не тогда, когда мимо него пролетают пейзажи, люди и двери!.. «любители» перемены мест напоминают мне читателей, которые, вместо того чтобы прочесть книгу, слегка просматривают ее и знакомятся с именами главных действующих лиц...».

Чекмареву чуждо было равнодушное отношение к жизни. Он был одним из тех людей, для которых любовь к Родине — это действие, а не громкие фразы. С иссякающей силой звучат строки его стихотворения «Размышление на станции Карталы»:

Я знаю — я нужен степи дозарезу,
Здесь идут пятилетки года,
И если в поезд сейчас я влезу,
Что же со степью будет тогда?
Но нет, пожалуй, это неверно,
Я, пожалуй, немного лгу,
Она без меня проживет, наверно,
Это я без нее не могу.
У меня никогда не хватит духу —
Ни сердце, ни совесть мне не велят —
Покинуть степи, гурты, Гнедуху
И голубые глаза телят.

Лучшие из комсомольцев, поехавшие сейчас на целину и вершащие там свой ежедневный рабочий подвиг, подписались бы под этими строками. И не случайно многие записи Чекмарева по неудержимому задору, по беззаветной молодости перекликаются с напечатанным в одиннадцатом номере «Нового мира» дневником студенческой бригады «Ленинские горы — Алтай». Но стихи Чекмарева привлекают, конечно, не только своей глубокой человечностью и современностью, они радуют и своей поэтичностью.

В стихах Чекмарева читатель найдет много несовершенного, но зато не найдет гладкописи, к сожалению, так распространенной сейчас среди молодых поэтов. Он все время искал, не всегда это ему удавалось, но от стихотворения к стихотворению крепло его молодое мастерство. Опубликование стихов и записей Чекмарева — радость и для читателей и для поэтов. Несомненно, должна быть издана книга Чекмарева. Стихи Чекмарева должны быть включены в антологию советской поэзии.

Его жизнь была неотделима от его поэзии. Стихи его живут,— значит, жизнь его продолжается.

Евг. ЕВТУШЕНКО

Сергей Чекмарев. Из трех тетрадей. «Новый мир», № 1. 1956 г.

ПОДВИГ МЫСЛИ

Б. БРАЙНИНА

«Мы дрались не только за плотину, но и за жизнь, за человеческое достоинство», — говорит начальник строительства Балеев, один из героев романа Ф. Гладкова «Энергия».

Балеев справедливо сказал: «Мы дрались...». То была сложная, большая историческая битва, требующая от человека напряжения всех его сил. Только тот, кто намерен лакировать, приукрашивать историю, будет восхищаться якобы идиллической картиной наших первых пятилеток. Нет, это была не идиллия, а открытая и смелая борьба за социализм, борьба, в которой советский народ одержал величайшую историческую победу, обусловившую дальнейшие достижения вплоть до победы в Отечественной войне.

Победа была одержана закономерно: строился социализм. Борьба велась во имя созидания, а созидание, одухотворенное великой идеей, формировало, воспитывало, совершенствовало человека.

Рабочий комсомолец Кольча (тоже герой «Энергии») очень метко сказал: «Здесь, брат, люди заново родятся и на всю жизнь чеканятся».

Открытие, познание нового человека, рожденного в огне борьбы и созидания,— благороднейшая задача, возложенная на писателя самой историей. Гладков, работая над «Энергией», хорошо знал, что никакая другая, а именно эта задача стоит перед ним. Поэтому все многоплановое содержание романа, характеры, судьбы людей объединены единой темой борьбы за человека, за его достоинство, за безграничное развитие его творческих возможностей.

Для Гладкова процесс социалистической стройки — это прежде всего процесс роста, созидания новых и самых лучших качеств человеческой воли, ума, сердца, обретение людьми верной, единственно настоящей своей судьбы.

В романе «Энергия», — говорит Гладков, — меня интересовали прежде всего люди, их судьбы.

Вот это умение всегда идти от человека, умение познать сокровенные мечты людей, горечь неудач и горячую радость исканий, достижений создали ту одухотворенную атмосферу романа, которая лучше всего может быть выражена стихами М. Исаковского, написанными в те годы:

Наша жизнь поднялась,
словно песня большая-большая,—
Та,
которую хочется слушать
и хочется петь самому.

Тема социалистического строительства широка, многогранна: Л. Леонов в «Соти» изобразил романтику борьбы нового, революционного с вековой, упрямой тьмой старозаветной Руси; В. Катаев в романе «Время, вперед!» стремится раскрыть новый ритм жизни, небывалые по силе, по скорости темпы труда; М. Шагинян в «Гидроцентрали» раздумывает над проблемами новой техники и преодоления культурной отсталости; К. Федина в «Похищении Европы» главным образом интересуют взаимоотношения, противоборство двух миров — социалистического и капиталистического; А. Малышкин в романе «Люди из захолустья» показывает торжество нового сознания над душевным захолустьем мещанских, мелкобуржуазных взглядов; радость новаторства и борьба с косностью в производственной практике — основа романа Ю. Крымова «Танкер «Дербент»...

Но все эти и другие лучшие книги, посвященные пятилеткам, стремятся раскрыть человека, его идею, его путь в будущее.

Лишь только писатели начинают уклоняться от изображения человеческих судеб, от раскрытия идейного смысла труда, как в их книги (даже в хорошие книги!) врываются неверные, фальшивые ноты: элементы техницизма в «Гидроцентрали» М. Шагинян, любование изнуряюще жертвенным физическим напряжением в «Дне втором» И. Эренбурга.

Поиски наиболее полного, наиболее верного и поэтичного изображения героя нашего времени, человека труда, определили главное направление процесса развития советской литературы и в последующие годы, вплоть до наших дней.

Каждый новый этап жизни советского общества предъявляет свои новые и высшие требования, ибо действительность, а вместе с ней и сознание, внутренний мир человека неуклонно движутся «вперед и выше».

Как неузнаваемо изменился за последнее десятилетие образ рабочего человека, как изменился процесс его труда! Появилась рабочая интеллигенция в полном и лучшем смысле этого слова; новый герой становится все более и более интеллектуальным героем, труд которого требует не огромного физического напряжения, а великой энергии мысли, дерзающей, не спокойной, не примиримой к мещанской косности и чиновническому формализму.

Достаточно ли сильно и поэтично показано в нашей литературе то новое, что появилось в рабочем классе? К сожалению, недостаточно: литература еще в большом долгу у живой действительности, хотя у нас за последние годы вышло немало хороших книг, посвященных рабочей интеллигенции.

Свободный труд — единственный путь к счастью, бытие как деяние, как творчество — эти горьковские традиции определили лучшие произведения о труде, начиная с «Цемента» Ф. Гладкова и кончая книгами последних лет.

Но каждый новый, конкретно-исторический этап жизни советского общества вносил новое и в самый процесс труда и в психологию его творцов.

Справедливые, хорошие слова сказал один из героев «Клятвы» Ф. Гладкова: «Прежние мы... пламенные, романтические головы — прежние, но иные... Мы стали умнее, мы накопили опыт стариков. Мы сохранили на всю жизнь святое недовольство, — помнишь у Некрасова:

То недовольство, при котором нет
Ни самообольщенья, ни застоя,
С которым и на склоне наших лет
Постыдно мы не убежим из строя...».

Прежние, но иные — как замечательно сказано!

Иное, новое — это массовое движение передовиков производства, успеху которого способствовала интенсивность научно-исследовательской мысли, когда труд рядового рабочего начинал сближаться с трудом инженера и ученого. Если в годы первых пятилеток романтика трудового подвига требовала огромного физического напряжения, то в последующие годы физический труд все большее и большее место уступает труду интеллектуальному. И теперь мы уже вправе говорить о **подвиге мысли** как о самой типической примете героя нашего времени.

Верной действительности, своевременной можно назвать только ту книгу, где раскрыта поэзия исканий, полет мысли, священное недовольство достигнутым, когда «нет ни самообольщенья, ни застоя».

Широкого полета мысли недостает, к примеру, сварщику Сахно, герою «Белого пламени» В. Собко, или молодым специалистам Николаю Жукову и Андрею Королеву, героям «Дальней дороги» Е. Катерли, ибо психологическое наполнение этих образов крайне бедно. Собко много и правильно пишет о производстве, о производственных процессах, действующие лица его романа—в общем хорошие, честные, но, увы, не поэтичные люди, с которыми не очень интересно встречаться ни в книгах, ни в жизни. В романе Катерли изображаются быт, «личные» взаимоотношения героев, но и эти герои не вызывают особой симпатии.

Некоторые критики склонны были обвинять В. Собко, что он чрезмерно много места уделяет производству, а Е. Катерли, — что она предпочитает лично-бытовую тему. Но дело совсем не в этом. Писатель волен выбирать из многообразия жизни то, к чему влекут его индивидуальные склонности характера, особенности творческой манеры. Ведь и через бытовые детали можно великолепно показать характер человека, пытливость его мысли, стиль его работы. И не то существенно, что Собко отдает предпочтение производству, а Катерли «личной» жизни, — существенно, что и там и здесь в характерах героев стерты приметы времени.

Иной мир героев романов В. Кетлинской «Дни нашей жизни», Д. Гранина «Искатели», Е. Воробьева «Высота», А. Пантиелеева «Поток»: здесь все определяется современностью. И когда герои этих книг приступают к реализации своих идей, то смелость исканий, неограниченные возможности творческой мысли этих людей волнуют, заинтересовывают читателя.

И все же и в этих произведениях нет той художественной цельности, пластичности характеров, которая отличает «Энергию» Гладкова, «Людей из захолустья» Малышкина, «Танкер «Дербент» Крымова.

Это происходит прежде всего потому, что в них нет органического единства общественно-трудового и «личного» поведения героев. Герои нередко утрачивают самобытность характеров, приметы времени, попадая в обстановку всякого рода личных взаимоотношений: литературщина начинает энергично вытеснять здесь живую жизнь.

За последнее время велись споры: надо ли, а если надо, то в какой пропорции, изображать быт и «личную» жизнь человека, то есть его отношение к женщине, к семье. Но как бесплодны и формальны эти споры! Ведь дело не в том, надо или не надо и в какой пропорции, а как это сделано: помогает это или не помогает раскрытию сложности, своеобразия внутреннего мира человека, или, наоборот, суживает, обедняет идейное содержание образа, снимает конкретные приметы времени, нарушает идейно-художественную цельность произведения.

Герой «Искателей» Гранина, к примеру, — живой образ, когда писатель изображает его борьбу с рутиной и косностью, и этот же герой становится старомодным, пошловато-жеманным, когда автор изображает его любовные переживания. И нам представляется, что роман «Искатели» выиграл бы, если б в данном случае дело обошлось без «личной» жизни.

Если уж писатель берется за эту тему, то надо и здесь идти по линии наибольшего сопротивления, то есть искать правды взаимоотношений, характерных для наших дней, а не брать напрокат всевозможные атрибуты любви и быта из старых и плохих романов, начиная от так называемой «демонической» персоны и кончая нравоучительно-жизнерадостной плакатной красавицей, долженствующей обозначать тип новой женщины.

Во многих романах недостаточно раскрыта романтика борьбы с косностью, с инертностью, когда дальше выполнения плана люди или боятся, или не хотят идти.

Это наиболее серьезный упрек, ибо новое рождается в борьбе со старым и гуманизм советской литературы прежде всего выражается в умении бороться за человека, за то лучшее, что есть в нем. Подвиг мысли и подвиг борьбы — две стороны одного и того же процесса.

Поступь литературного героя пятидесятых годов стала увереннее, крепче. Но писателям еще предстоит напряженный труд исканий и преодоления условностей в изображении «личной» жизни, а также преодоления известной облегченности в разрешении основных конфликтов.

ДРУЖЕСКИЕ ШАРЖИ

Рисунки худ. И. Игина

В. Бианки

Славит птичек, хвалит зяек
Поэтически прозаик.
Под корягой, под кустом
У него и стол и... том.

Б. ТИМОФЕЕВ

Г. Фиш

Бесспорно, ты, Геннадий Фиш,
Рожь от пшеницы отличишь,
Но с ячменем,—вот в чем вопрос,—
Ты не смешаешь ли овес?

В. ГРАНОВ и М. ПУСТЫНИН

Сергей Васильев

Мы долго думали-гадали,
Но мы не можем разгадать,
Какую сторону медали
Здесь оборотною считать.

В. ГРАНОВ

«Фауст» и «Дон Кихот» на украинском языке

КИЕВ. (*Наш корр.*). На Украине в последнее время издано большое количество произведений зарубежных классиков. Некоторые из этих произведений впервые полностью переведены на украинский язык.

В республиканском Государственном издательстве художественной литературы впервые на украинском языке вышел полный текст «Фауста» Гёте (перевод Н. Лукаша). Издательство «Молодь» выпустило первое полное издание «Дон Кихота» Сервантеса на украинском языке (перевод Е. Кротевича, В. Козаченко, Н. Лукаша).

ТВОРЧЕСКАЯ ТРИБУНА

В поисках занимательности...

Г. РИХТЕР

Не так еще давно некоторые писатели, разумеется, не очень даровитые и творчески неустойчивые, шли на поводу у тех совсем не даровитых, но воинственных педагогов, чьи воспитательные принципы и эстетические воззрения Диккенс с убийственным сарказмом воплотил в образе педагога Гредграйнда в романе «Тяжелые времена». Робкое замечание одной из учениц, что цветы на коврах красивы и заставили бы воображать... вызывает у мистера Гредграйнда взрыв: «Но вы не должны воображать... В этом— вся суть. Вы никогда не должны воображать... Вы не должны... позволять себе ничего подобного... Факт, факт, факт!» — вдохновенно вещает педагог и предлагает заменить изображения «четвероногих» на обоях «сочетаниями... (в простых красках) математических фигур».

Воплощение эстетических принципов подобных «педагогов» принесло нашей литературе для детей столь же горькие плоды, как и педагогике. Конструируемая из уже готовых формул и правил, она вполне устраивала некоторых литераторов, обладающих способностью не «воображать». И если на читательской конференции, посвященной разбору изготовленной холодным способом книги, какой-нибудь юный читатель, заглядывая в шпаргалку, бодрым голосом провозглашает: «Эта книга меня многому учит», то можно с уверенностью сказать: да, учит... лицемерить, криводушничать, лгать! Непрестанно и назойливо тыча пальцем в некий (якобы существующий) мумифицированно-идеальный образец, уставно-«художественная» литература должна вызывать естественное отвращение.

Нормальный, живой, а не «арифметический» ребенок не может и не должен желать перестать быть самим собой и стать кем-то другим, рожденным близорукостью или наивной хитростью взрослых. Его не может не оскорблять игнорирование его характера, его наклонностей, его вкусов и пристрастий. Понадобился целый ряд унылых, фальшивых произведений, где сквозь обильную патоку выпирает частокол жестяных указующих перстов с многочисленными «надо», «нельзя», «обязательно», «воспрещается», чтобы детской литературе удалось, наконец, отбиться от воинствующих вульгаризаторов, требовавших, чтобы литература снова и снова, многословно и пафосно вдалбливала арифметические истины «в простых красках».

В последнее время в некоторых произведениях для детей все чаще и отчетливее обозначается стремление к облегченности, бессодержательности, бездумной развлекательности. Эта реакция на уныло-педагогическую литературу поверхностна, в своей основе ложна и по существу ничего не меняет. При всей кажущейся противоположности принципов того и другого направления, в них есть нечто глубоко родственное. Если, не умея увидеть реальную жизнь, не доверяя себе, писатель в одном случае обращается за вдохновеньем к правилам поведения школьника, то в другом — равнодушно мастерит «волнующие» истории, придумывает ничем не поучительные анекдоты или без всякой цели судачит с детьми «просто так». И это новое, назовем его «развлекательным», направление имеет своих теоретиков и, что особенно тревожно, практиков среди писателей даже одаренных.

***

Художник Гаврила Семенович, перебирая старую рухлядь, обнаруживает старинную, с обломанным концом, шпагу. У его двенадцатилетнего приятеля — Вити — находка вызывает жгучий интерес, а затем, когда это сокровище вручается ему навсегда и безвозмездно, и неописуемый восторг. И мы сочувствуем Вите и верим ему. На протяжении двух-трех страничек повести А. Перфильевой «Шпага д'Артаньяна» («Пионер», № 3, 1955) нам уже успел понравиться этот мальчишка — энергичный, живой, для которого обсуждение книги «Раз — два, в ногу!» — «скука». Вызывает наши симпатии и Гаврила Семенович. Вся тональность первых страниц «Шпаги д'Артаньяна» — светлая и легкая — обещает интересную повесть.

Итак, Гаврила Семенович подарил Вите шпагу, но при одном условии... Витя обязуется подаренное ему «холодное оружие» никогда не выносить из дому, а также раздобыть у своего отца расписку и доставить ее художнику «сегодня же». И здесь впервые в повести проступает направляющая рука автора. Возникающая у читателя смутная догадка—не является ли это условие первым искусственным барьером на пути героя — начинает оправдываться.

Вернувшись домой, Витя не застает родителей. Как на зло, они ушли в гости. На следующий день отец, как на грех, вернулся поздно. Правдивый рассказ Вити о странном и нелогичном требовании художника вызывает естественное недоверие отца.

Возникающее недоразумение легко разъяснилось бы, предоставь автор действовать своим героям сообразно с их интересами, характерами и элементарной логикой. Но недоразумения не разъясняются. С помощью целого ряда хорошо испытанных простейших средств — недомолвок, обмолвок, подслушивания, подглядывания, навязывания герою болезненно-сложных переживаний по ничтожным поводам — автор сплетает сложный «клубок». В результате ни в чем не повинный здоровый мальчишка, рыдая, прижимается «горячим лбом» к «холодному забору», и, конечно же, «около помойки». Однако и эта ситуация кажется автору все еще недостаточно захватывающей. И только тогда, когда терзаемый нравственными муками Витя в прямом и переносном смысле приводится на край обрыва, автор черную краску меняет на ослепительно розовую. Как по мановению волшебной палочки, все искусственные и естественные преграды рушатся и все люди в течение одной ночи становятся необыкновенно догадливыми, тактичными и умными. «Все мы неправы были», — объясняет это превращение вразумленный художником до этого суровый и несмышленый отец Вити.

Если бы литературные герои зажили вдруг настоящей жизнью, то думается, что художник Гаврила Семенович не стал бы внушать отцу Вити, будто виноваты «все», что означает «никто». Он установил бы, что во всех роковых случайностях и совпадениях, нелогичных, а то и нелепых поступках «всех» повинен только один человек — автор повести, и повинен он в том, что добротную тему — маленькая ложь может привести к крупным неприятностям — он сделал не сущностью произведения, а лишь поводом для конструирования волнительной и читабельной истории, в которой замысел не только блекнет, но, по существу, всем ходом повествования начисто отрицается. Уродливо перекашиваются смысл, жанр, образы и тональность произведения. Подкупающая естественная непринужденность начала повести сменяется тягомотной «глубиной», красочность — пестрой рябью, простота — слащавой сентиментальностью. В результате перед нами то самое мнимосложное с розовеньким бантиком произведение типа «Раз—два, в ногу!», над которым так обнадеживающе иронизировал писатель в начале произведения.

***

Нужно ли доказывать неправомерность обращения в наше время к «стрекозиной» легковесности, которая, однако, неизбежна, если мы станем довольствоваться произведениями «просто» развлекательными или «просто» смешными? Можно ли остаться равнодушным к судьбе писателя, берущего на себя мало почетную обязанность поставлять этакие литературные семечки?

В повести Михаила Коршунова «Наташа» (сборник «Дом в Черемушках») все, чем окружена, что видит героиня, раскрывается писателем лишь в той степени, как это воспринимается равнодушной, нелюбознательной девочкой. И когда пытаешься разобраться, что же, собственно, водило рукой писателя, что побудило его описать Наташу, то мысленно представляешь себе человека, озирающего в поисках материала для рассказа небольшое, ограниченное высокими домами пространство. В поле зрения этого человека попадает маленькая девочка. Как и все дети, она забавна. Почему бы не описать ее, благо вся она, как на ладони. Получится задушевно, достоверно и, безусловно, правдиво. Но не оплодотворенная живой писательской мыслью задушевность оборачивается приторной слащавостью, достоверность становится бесцельной, правдивость — бескрылой.

Если читатель, раздумывая, стоит ли ему читать вторую повесть сборника «Дом в Черемушках», заглянет на последнюю страницу и прочитает предпоследний абзац, то ему захочется приобщиться к интересной жизни маленького Гарьки и его дяди, так как, по уверению автора, «многое в жизни для дядьки и для племянника сделалось понятным, доступным и увлекательным: бродяжничать по лесу; есть картошку, печенную на углях, натыкая ее на палочки, чтобы не пожечь пальцы; запускать с мальчишками змея» и т. д. и т. п. Однако, прочитав повесть, читатель не обнаружит ни бродяжничества, ни печеной картошки, ни змея... Рассказ не передает своеобразия деревни с ее пейзажем, бытом, запахами и красками. Он небрежно сотканз из ряда мелких, чаще всего домашних происшествий, во многих случаях, смеха ради, лишенных элементарного правдоподобия.

Автор стремится развлечь читателя. Но так как замысла нет, а писательский горизонт пролегает где-то возле забора, окружающего дом, то весь рассказ и вертится вокруг мелких, обыденных явлений, «расцвеченных» иной раз до неузнаваемости. Поджариваемые грибы ведут себя так, что «Леонид Аркадьевич, придерживая очки, поминутно отпрыгивал от них в дальний угол кухни». Кот, животное, как известно, великолепно ориентирующееся в пространстве, так толкает крышку чемодана, что она захлопывается и, конечно же, прищемляет ему голову. Этот же кот не только фыркает, топорщится и шипит, но еще и «ругается». Котенок «басом голдеит». Собака проглатывает нож от мясорубки. Шестилетний мальчик, вколачивая гвоздь, производит «такой сотрясающий грохот, что у Леонида Аркадьевича попадали со стола карандаши». Дабы избавиться от необходимости приготовлять пищу, Леонид Аркадьевич и Гарька питаются одной только простоквашей, которой дядя загружает все кастрюли и даже чайник. «Расцвечивается» и скромный забор. Он красится в «сменную», по замыслу автора, краску — оранжевую. Но и эта краска несжает только для того, чтобы недокрашенным забором произвести «убедительное впечатление на всех обитателей Черемушек» и, само собой разумеется, на читателей. Однако, несмотря на «огненный» цвет оранжевой краски, ожидаемое впечатление не возникает.

И в повести «У Черного моря» М. Коршунова рассказ слагается из мелких, лишенных глубины и новизны наблюдений, схваченных на лету, неверно услышанных слов, недостоверных деталей, искусственного домысла. Радужное настроение и субъективные пристрастия писателя не передаются читателю, так как многое не объяснено, не раскрыто, описано небрежно, а иногда неверно. Писатель беспрепятственно сообщает нам о существовании «дивизиона летучих (?) торпедных катеров», «серебряных барабанов». Неоднократно поминается какой-то моллюск «лидия», хотя любой приморский житель, среди которых писатель немало прожил, мог бы рассеять это заблуждение, если бы автор проявил больший интерес к предмету, о котором пишет.

Повесть пестрит такими «изысками»: Ганя сердится на свой неуспех», «...купается до тех пор, пока губы не сравняются с цветом воды», работа была «приятно ощутима в достижении быстрых результатов», «а мы — как военное поселение: туда-сюда, кругом-бегом!..», «застенчивые» уши, «синеглазые» сливы...

За год до появления сборника «Дом в Черемушках» вышел первый сборник рассказов начинающего писателя Михаила Коршунова — «Ясные криницы». Небольшие рассказы этого сборника обратили на себя внимание читателя своей безыскусственностью, живыми образами, простым и чистым языком. Эта книга была встречена критикой хорошо, и это было справедливо. Книга того заслуживала. Можно было надеяться, что, поощренный хорошим приемом, молодой писатель серьезно возьмется за постановку своего, еще не окрепшего, но чистого и ясного писательского голоса. К сожалению, этого не произошло. Сборник «Дом в Черемушках» огорчает не только тем, что он просто слаб, но и, главным образом, как свидетельство того, с какой легкостью молодой способный писатель относится к своей свободно избранной профессии, как скоро и безбоязненно он стал «пускать петуха».

***

Каковы же все-таки цели и задачи художественной литературы для детей? Должна ли она воспитывать или развлекать? Этот схоластический и по существу нелепый вопрос, разрывающий надвое неразъединимые стороны одного явления, никогда не возникал и не может возникнуть перед теми писателями, чьи произведения пережили или переживут их создателей.

Далеко не всегда можно проследить роль книги в формировании мировоззрения, характера, чувств читателя, как это видно на таких ярких и героических жизнях, как жизнь Горького, Николая Островского. Но какую бы долгую и скромную жизнь ни прожил человек, на вопрос, помнит ли он крохотный рассказ Л. Толстого «Лев и собачка», ответит: «А как же! Хорошо помню». Чем же объяснить, что многие прочитанные книги, в том числе и рассказы о забавных проделках различных зверюшек, прочно и навсегда забыты, а незамысловатый, в полстранички рассказик удержался в памяти, оставил в сознании след? На этот вопрос нелегко будет ответить тем, для ко-

(Окончание на 4-й стр.)

В ЮЖНОЙ АФРИКЕ

Н. Н. МИХАЙЛОВ

После полутора месяцев плавания мы направлялись из Антарктики к африканским берегам. Запасы горючего и пресной воды иссякали — танкер шел в Кейптаун.

В океане шестой день не утихала буря. Волны перемахивали через палубу, белея от удара. Стены каюты валились. Стул потому не взлетел к потолку, что был цепью прикован к полу.

Нет, меня не мутило от качки. Но шторм томил вялостью, скукой — писать не могу, что мне делать?

У плавающих русских литераторов наставник один — творец «Фрегата «Паллады». По писем Гончарова я знал, что в приступах тоски по России он брал в руки «Записки охотника».

Добрался до судовой библиотеки, книгу раскрыл — и верно: уже от первой страницы, где начинается «Хорь и Калиныч», так нежно повеяло родным, что умиротворилась душа. Буря как будто примолкла. Скажу словами того, кто меня надоумил: «...Камфарные и бамбуковые деревья и кусты, море, где я — все забыл. Орел, Курск, Жиздра, Бежин луг — так и ходят около».

Среди разъяренной Атлантики я вижу лес, поляну, сосновый сруб и двух этих русских людей, и близких и, казалось бы, противоположных друг другу, воплощение двух черт русского характера: здравый смысл — поэтическая душа.

Я уже невольно смотрю на все их глазами. Будто я и дома... Но дом еще не скоро. Сначала будет Африка.

Вдруг читаю про Хоря: «Узнал он, что я бывал за границей, и любопытство его разгорелось... Калиныч от него не отставал...».

Так значит эти тургеневские мужики из-под Жиздры не замыкались на своем дегте, на пчелах. Они хотели судить о всем мире. Пожалуй, они не сказали бы: «Африка мне не нужна» в том смысле, что она-де им не интересна.

И стал я думать: как бы я должен был рассказать про далекую Южную Африку этим милым мне людям, если б были они детьми нашего века?

У каждого из них свой особый подход к загранице. Калиныча «более трогали описания природы, гор, водопадов, необыкновенных зданий, больших городов». Деловитого Хоря «занимали вопросы административные и государственные».

Удовлетворить любопытство Калиныча, склонного к созерцательности, проще. Он легко вознаграждает собеседника своей впечатлительностью. Для него я бы начал рассказ так.

***

Капитан разбудил меня перед рассветом:

— Виден огонь мыса Доброй Надежды.

Я вышел на мостик — ветер, мрак. В штурманской рубке тикают приборы. Рулевой чуть поворачивает колесо штурвала. Далеко впереди мерцает маяк. Куда обращен его луч? В сторону от населенных стран, к Южному полюсу. И мы идем из темноты океана на этот мигающий, одушевленный свет.

И вот — заря. Красный блеск волн. В бухте, у подножия Столовой горы,— угасающие городские огни. Мы поднимаем на рею флаг Южно-Африканского Союза, проходим мимо ревущего буя и бросаем якорь среди судов, между итальянским рефрижератором и норвежским лесовозом.

Днем я в Кейптауне.

На тротуарах я порождаю водовороты в людском потоке — из-за непривычки к левостороннему движению и от желания на все оглянуться: потомок буров — африкандер в коротких штанишках, модница-англичанка с взъерошенной прической по названию «мальчик без мамы», великан-негр в комбинезоне, мулатка, завернутая в лиловую ткань, индиец в красной феске и малаец — в черной...

Одурманивающий вихрь реклам. Огненные газовые трубки, пестрые плакаты, вызывающие витрины и сверх того гигантские щиты: «Африка — страна львов, пейте наше Львиное пиво».

Со всех сторон мне суют газеты по три пенса. На первых страницах сенсация: к осеннему празднику мод из Парижа прибывают девять девушек—живых манекенов с самыми изысканными формами; размеры талии, бедер и бюста указаны в дюймах.

Мимо магазинов, контор и банков проносятся автомобили новейших марок. В этом льющемся, блистающем лаке я вижу машины с дымчатым стеклом — они уносят туристов обозревать Африку, ослепленную солнцем. Плоскогорье Карру, Драконовы горы, берега Лимпопо...

Мчимся по Африке и мы с капитаном. Разматываются ленты асфальта, скорость сто километров в час. Сначала пенящееся взморье, потом острые пики слоистых скал, затем равнина с жесткими кустами протеи. Клинья светлого сыпучего песка. Зеленые камни. Рощи над речкой. Овечьи пастбища, оплетенные проволокой. Фермы из красного и белого кирпича с ветродвигателями и фруктовыми садами. Улицы городов с бензиновыми колонками и пыльными пальмами.

Завернули и на мыс Доброй Надежды. В лесочке, где поставили машину, порхают синие птицы с коричневыми крыльями. Обезьяны прыгают на капот автомобиля. Распаленные жарой, терпко пахнут листья.

Вскарабкались на утес к маяку. И с высоты раскрылась перед нами беспредельная голубизна, где океан Атлантический встречается с Индийским...

***

Калиныч все слушал бы да слушал. А Хорь бы хмурил брови: когда же рассказчик кончит поглубже? Когда заговорит он об основах этой жизни и поставит ее в связь с нашим временем?

Тут я должен буду вернуться к утру в Столовой бухте. Якорь летит в воду, трап перекинут на африканскую землю — и мы сразу получаем приглашение на вечер в морской клуб «Летящий ангел». В афишке написано: «Танцы (только для европейцев). Партнерши предоставляются».

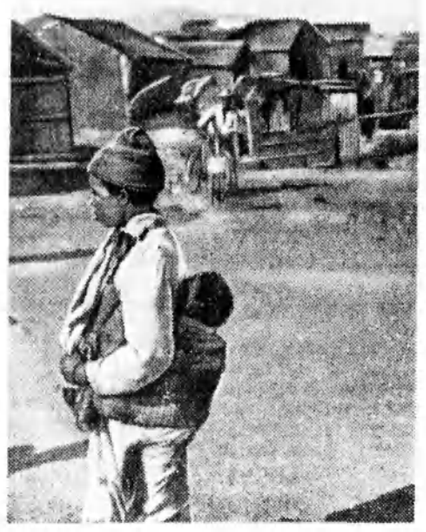
«Только для белых» — это и есть основа здешней жизни.

В Южной Африке труд колониальный: негр работает на белого, точнее — на достаточно богатого белого. Но это не колония в обычном понимании: белое общество живет, накапливает и проедает не только за морем, но и тут же — на одиннадцать миллионов цветного населения приходится три миллиона людей белой кожи.

Поэтому разность потенциалов велика, как нигде: монополистические концерны, электрические дороги, дома, похожие на небоскребы. — и четыреста тысяч голодных негров, взятых из соломенных хижин и ввергнутых в глубокие шахты Трансвааля: задыхаясь в кварцевой пыли, они дробят там золотую руду при жаре в 40 градусов. Этот контраст можно удержать лишь силой — вот откуда жестокость и изуверский расизм южно-африканского правительства с его премьер-министром Стрейдомом.

Негры должны селиться лишь там, где указано. Им никуда нельзя податься без пропуска. Доля черной крови определяется изучением носов и волос. При рождении люди получают номера. За чтение «Матери» Горького или, скажем, «Дипломата» Олдриджа «виновных» сажают в тюрьму на пять лет.

В час, когда я взирал на фасад южноафриканского парламента, — стены цвета бордо, колонны цвета беж,—внутри шла сессия. Ораторы доказывали друг другу, что нравственный закон требует лишить кейптаунских негров права ездить в общих автобусах. Читая об этом на другой день в здешней «Кейп таймс», я неожиданно нашел там перепечатку из «Фонс стифтстиденде», датской газеты: «Покойный Адольф Гитлер и ныне живущий Иоганнес Стрейдом, они точь в точь похожи друг на друга».



Кейптаун. Поселок для черных

Фото автора

Заехали мы в негритянскую локацию — если не ошибаюсь, она называлась Вандемере. Голая земля, ветер несет по ней сор и лохмотья бумаги. Улицы обозначены, как в Нью-Йорке: Первая авеню, Вторая авеню, но застроены они не домами, а конурами из ржавого железа. Входим в лачугу без окон и пола — старик негр так и встрепенулся:

— Я ничего не сделал, и мои дети ничего не сделали! Я ничего, и мои дети ничего!

Да нет, мы не полиция... Садимся вместе с ним на скамью, — смотрит с опаской, молчит. Мы протягиваем папиросу ему и жене — это их трогает. Шепот старухи:

— Дорогой подарок, выкурю на ночь.

В эти дни негров насильно выселяли из городских кварталов Иоганнесбурга — полиция подавляла волнения; негритянские дети бойкотировали новый расистский закон о школах; по всей стране наперекор правительству шла подготовка к Конгрессу южно-африканских народов.

Десятки унизительных законов ограничивают права тех индийцев, что живут в Южной Африке. Ведь как раз тут, в Натале, получил Ганди первые уроки освободительной борьбы. Сейчас народ Индии поднял голос в защиту своих сыновей. Но южно-африканские власти именуют этот благородный протест «индийским империализмом».

Когда-то русские добровольцы помогали бурам бороться за свободу; говорят, где-то в Трансвааале есть братская русская могила. У нас некогда пели с любовью:

Трансваль, Трансваль, страна моя,
Ты вся горишь в огне...

Я слышу в этих словах новый смысл. Тяжба между англичанами и потомками буров поглощена противоречием более широким, хотя и скрываемым: Англия — США. У США перевес и в борьбе за золото и в борьбе за уран. Это открытие последних лет: в отвалах золотых рудников оказалось много урана. Уже работают урановые заводы. Южная Африка сейчас— один из основных поставщиков урана в капиталистическом мире.

На сессии парламента, шедшей при нас, вспыхнул чрезвычайный для британского доминиона скандал: верхняя палата начала заседание молитвой, в которой впервые не помянули королеву! Южно-Африканский Союз, наибольший сгусток индустрии и белого населения на африканском континенте, метит стать республикой. Но какой? Уже поговаривают о многозначительном названии — Соединенные Штаты Африки. Чем безнадежнее колонизаторы упускают Азию, тем судорожнее вгрызаются в Африку. Стрейдом явно хочет заделаться тут главным функционером... Я иду по Аддерлей-стрит и вижу в витрине магазина сувениров кожаный бумажник с изображением африканского материка без внутренних границ и с надписью «Пан-Африка».

Сегодня Стрейдом предлагает создать панафриканский военный блок, ядром которого должен стать «южно-африканский бастион». В голых пустынях отводят площадки для радарных установок. Над мысом Доброй Надежды — сам видел — кружат камуфлированные бомбардировщики... Вывеска такая: «Перед лицом коммунистической агрессии мы начинаем битву за Африку!».

***

Трудно в сжатом рассказе красочно излагать социальную тему, и Калиныч, пожалуй, заскучает. Хорь же будет слушать с вниманием... И не только будет слушать, но и спросит, не встретилось ли чего поучительного.

Но что я смогу ему ответить?

Может быть, есть хоть что-нибудь внешнее, к чему стоит приглядеться? Автор «Хоря и Калиныча» затем, собственно, и коснулся заграницы, чтобы показать, что у русского человека нет шор. Отметая ненужное, Хорь готов взять полезное. «Русский человек,— пишет Тургенев,— так уверен в своей силе и крепости, что он не прочь и поломать себя: он мало занимается своим прошедшим и смело глядит вперед. Что хорошо — то ему и нравится, что разумно — того ему и подавай...».

Хорь настаивает, я уступаю...

В технике, наверно, здесь учиться нечему. Владельцу рудника нерасчет тратиться на новые машины, когда заработная плата ничтожна. Но в проходке шахт, может быть, найдется что-нибудь полезное,— ведь шахты тут очень глубокие, до трех километров. Недавно в СССР был достигнут мировой рекорд скорости проходки, прежним рекордом владела Южная Африка.

Вот что мне понравилось: новые дома. Попадаются там и конструктивистские причуды, но здания последней стройки в большинстве хороши: простые без уныния, удобные не в ущерб изяществу.

Но как бы ни был дом просторен, хозяин держит негра-слугу не в нем, а рядом в хибарке, где часто даже нет электрического света. Обходительность там подчиняют цвету кожи.

В коммерции. Я зашел в аптекарский магазин купить неврологический молоточек в подарок одному московскому доктору. Молоточка не нашлось. Продавец не сказал мне «нету». Он усадил меня на стул и сбегал за молоточком в магазин на соседней улице. Я понимал, что этот вежливый поступок был вызван интересами фирмы, заботой о ее престиже, но не мог не подумать при том: сама по себе предупредительность приятна.

Хорь бы слушал да приговаривал: «...Это у нас не шло бы, а вот это хорошо...».

...Мы заплатили за бункер и воду. И снова — крепкий ветер в открытом море.

Международная почта

Миражи у островов Фиджи

«ШЕЛ дождь, и была плохая видимость». Этой фразой агентству Рейтер следовало бы начать сообщение о «таинственных судах», появившихся в районе островов Фиджи. Тогда сразу стало бы ясно, что «ценные наблюдения», обнародованные в телеграмме, более чем сомнительны, что это скорее всего плод изрядно воспаленного воображения, галлюцинация, мираж.

Но нет; к сожалению, авторы, видимо, не стремились к внесению ясности — фраза помещена не в начало, а куда-то в конец, довольно ловко упрятана от беглого взгляда. Она присутствует лишь на всякий случай, чтобы агентство неожиданно не оказалось, по английской поговорке, в положении кошки на горячих кирпичах. Предусмотрительность...

Итак, шел дождь и была плохая видимость... Тем не менее, передает корреспондент агентства Рейтер из Сувы, административного центра островов Фиджи — английской колонии в южной части Тихого океана, два капитана парусных судов сделали чрезвычайное открытие: они якобы видели «таинственный корабль». Капитан судна «Ади Тунломалома» наблюдал, как загадочный незнакомец «погасил бортовой иллюминатор и удалился». А капитан парусника «Туи Валавала» умудрился разглядеть «таинственный корабль» с расстояния в пять миль и рассказывает, что тот шел «со скоростью около 8 узлов и затем погрузился в воду».

И вот, сколь это ни странно, доставленные капитанами сведения, даже при хорошей видимости не стоящие и выеденного яйца, послужили основой для пропагандистского миража с антисоветским оттенком. Агентство Рейтер с готовностью сообщило: «...По описанию, военные власти Фиджи решили, что это судно похоже на советскую подводную лодку класса «К».

Так по свету пошла гулять лживая версия, которую нельзя назвать иначе, как информацией со злым умыслом. Солидному агентству не к лицу превращаться в поставщика сомнительных новостей.

Нынешняя анна в Западной Европе была очень суровой.

ЭНЕРГИЯ

— Будущая зима не застанет нас врасплох. Все речи, которые мы будем произносить перед бездомными людьми, уже подготовлены!

Рисунок из французского еженедельника «Карфур».

Из области курьезов

АМЕРИКАНСКИЙ журнал «Ньюсуик» в одном из номеров этого года поместил заметку о том, как русские (сенсационный материал!) «подрывают дух Женевы».

Минувшей осенью в Москве, пишет журнал, «в огромном холле с мраморными колоннами, примыкающем к гостинице «Советская», открылся ночной клуб, — так «Ньюсуик» именует ресторан «Советский», где была введена программа концертно-эстрадных выступлений в вечерние часы. «Это было одним из самых потрясающих (!) проявлений женевского духа». А затем, после нового года, ночной клуб якобы закрыли. Почему? Потому, уверяет журнал, что... «дух Женевы охладел».

Может быть, конечно, редакции «Ньюсуик» работа ресторанной сети города Москвы всерьез кажется подходящим мерилом политической температуры на международной арене. Однако, на наш взгляд, показания этого прибора не очень надежны.

Кстати, для сведения редакции почтенного американского журнала сообщаем: в ресторане «Советский» вечерами попрежнему выступают эстрадные ансамбли, ресторан благополучно работает, и закрывать его никто не собирается.

Как действуют вербовщики

У ВСЯКОГО — свои заботы. Не лишено их и управление комплектования личного состава армии США. Судя по всему, вербовка солдат идет туго. Как сообщает иностранная печать, в ресторанах, парикмахерских и тому подобных заведениях, обслуживающих негритянское население Соединенных Штатов, появились плакаты следующего содержания:

«Управление комплектования личного состава армии США.

Молодые негры! Вы — жертвы расовых предрассудков? Белые девушки отказываются проводить с вами время? В качестве солдат Соединенных Штатов вы можете поехать за границу, где вас расквартируют в странах наших союзников и будут высоко оплачивать. В глазах народов тех стран вы будете богатыми людьми, ибо покупательная способность ваших денег впятеро выше, нежели местной валюты.

Чернокожие американцы! Белые девушки Германии и Англии ждут лишь возможности услышать ваш здоровый смех. Сегодня же вступайте в армию США!».

Текст этого «оригинального» плаката воспроизвела издающаяся в Бад Крейцнахе (Западная Германия) газета «Эффентлихер анцейгер». Газета искренне возмущена этим откровенным глумлением над английским и немецким народами, над достоинством английских и немецких женщин. Другая западногерманская газета — «Фрейес фольк» в заметке «Девушки — дичь для забавы оккупантов?» пишет: «Молодые негры, к которым на их родине относятся, как к людям третьего сорта, которые подвергаются суду Линча и другим расправам, не проявляют, видимо, особого желания, несмотря на все посулы, находиться в Германии или Англии в качестве солдат оккупационных войск. Негры в США активно участвуют в борьбе американского населения за мир. Они не поддадутся на грязную сексуальную приманку».

Сыр и студенты

С ЯВНЫМ намерением растрогать читателей западноберлинская газета «Телеграф» описала в свое время церемонию вручения ста американских продовольственных посылок студентам так называемого «Свободного университета» в Западном Берлине. «Радостно приняли студенты это пожертвование,— умилялась газета.— В каждом пакете, помимо прочего, находилось семь фунтов сыра».

Благотворительность с целью рекламы — явление частое в капиталистических странах. Но что такое сто американских посылок, если почти все студенты Западной Германии находятся в бедственном положении?

Подавляющее большинство облагодетельствованных — члены студенческой организации «Гномы». Это — организация самопомощи, в которую входит около 2000 студентов и студенток, вынужденных соглашаться на любую работу в любое время дня и ночи, чтобы как-то прокормить себя и заплатить за учение.

Такое же объединение существует и при Шарлоттенбургском техническом университете (Западный Берлин). Здесь оно называется «Тузма» (первые буквы немецких слов: «Позвоните по телефону, и студенты сделают все»). «Тузма» объединяет 60 процентов студентов этого учебного заведения. За гроши они выполняют различные поручения — выколачивают ковры, выводят на прогулку собак, нянчат детей, грузят уголь и т. д. Есть в Западном Берлине и третья организация подобного рода — «Про студиозис».

Лишь 17 процентов студентов Западного Берлина, по данным газеты «Нейес Дейчланд», получают ежемесячные стипендии (заметим в скобках, что в Германской Демократической Республике свыше 90 процентов студентов обеспечено стипендиями). «Символическим» американским сыром не прокормишься...

На Кипре без перемен

Уличная сценка в Никозии— подобные картины стали сегодня обыденными на Кипре. «Английский солдат, — пишет лондонская газета «Дейли геральд», поместившая этот снимок, — с винтовкой в руке осматривает ранец школьника в Никозии». Он ищет: не спрятано ли оружие?..

Оружием сатиры

— КАКОЙ ШУМ вы считаете самым отвратительным?

— Шум военных самолетов.

— Каким родом деятельности больше всего хотелось бы вам прославить свое имя?

— Деятельностью на благо мира.

Диалог этот происходил в Голландии. Вопросы задавал корреспондент, отвечал ему известный голландский эстрадный артист и автор антивоенных сатирических обозрений Виллем Корнелис Кан.

Выходящий в Лондоне пацифистский еженедельник «Пис ньюс» поместил очерк голландского литератора Адриаана Фирюли, посвященный Виллему Кану. «Когда Кан выступает по радио... — пишет Фирюли, — вся Голландия слушает его, как зачарованная...». Такая популярность понятна и заслуженна: артист едко высмеивает тех, кто разжигает военную истерию, тех, кто хочет ввергнуть мир в новую бойню.

Интересен жизненный путь Виллема Кана. Он посвятил всю жизнь любимому искусству. Вторая мировая война застала артиста в Индонезии, где он гастролировал, с женой — артисткой Кори Фонк. Страну оккупировали японские милитаристы. Тысячи людей были брошены в концентрационные лагери. Фонк попала в лагерь на острове Ява, Кана увезли в Бирму на постройку железной дороги. Но террор и невзгоды не сломили их. Силой своего художественного мастерства они поддерживали бодрость духа у заключенных.

После войны артисты возвратились на родину, и с тех пор их искусство сатиры служит делу мира. Виллем Кан часто выступает по радио и на эстрадах. Он честен и неподкупен в борьбе с недругами мира, не щадит никого из них. «Его честность хорошо известна всем, — подчеркивает Фирюли. — Скажите ему, что высоко оплачиваемая программа будет передана в эфир лишь в том случае, если он согласится убрать из часовой передачи небольшой отрывок, высмеивающий военного министра или ремилитаризацию Германии, — и он ни за что не согласится на подобное изменение». Оружием смеха артист Виллем Кан, ненавидящий войну, сражается за мир.

На снимке: *Виллем Кан и его жена Кори Фонк выступают по радио.*

В поисках занимательности...

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

го ценность детской книги измеряется количеством, полнотой и резкой отчетливостью олеографически воплощенных в ней общеизвестных элементарных истин. Нелегко будет ответить и тем, кто считает, что любая сколько-нибудь серьезная мысль может быть воспринята детьми только после искусственного утепления, обострения, обмасливания, с помощью целого ряда испытанных, разношенных, как старый башмак, штампов. Для этих «теоретиков» неясно будет, чего «добивался» Л. Толстой, рассказав «нетипичный» случай, что он хотел «доказать», чему «научить», что «внушить», какой практический вывод должен сделать для себя юный читатель, и почему этого вывода не подсказал писатель. С другой стороны, в рассказе нет ни захватывающей интриги, ни внешнего блеска, ни счастливого конца.

Не потому ли запечатлевается в памяти этот крохотный рассказ, что в нем Л. Толстой предельно лаконично и просто поведал о вечно живых и благородных человеческих чувствах, волновавших прежде всего его самого, но понятных и волнующих всех людей, — о любви, дружбе, верности? Не потому ли западает в душу эта кристально чистая капля, что через нее перед маленьким читателем, быть может, впервые открывается сложный и трагически просветленный мир подлинных чувств, которые впоследствии много раз будут волновать и трогать его и в «Ромео и Джульетте», и в бессмертной поэме Руставели, и в вечно живом эпосе разных народов. Настоящий художник слова берется за перо, чтобы поведать о том, что прежде всего его самого волнует.

Только ясная цель, вызревшие, волнующие писателя мысли и чувства, отлившись в живых образах, не позволят писателю уклониться от логического движения характеров, вызовут жизненные конфликты, разрешаемые естественно, без помощи природных стихий или случайных совпадений, не позволят поставить точку, если тема не исчерпана до конца, и властно продиктуют композицию и жанр произведения. Так, в одном случае А. Гайдар захватывает читателя напряженно-драматичной «Судьбой барабанщика», в другом — пленяет его проникновенным лиризмом лишенной действия «Голубой чашки». Опровергая все ходячие каноны и законы, пленяют новизной и свежестью и «Ванька», и «Муму», и произведения Андерсена. Мамина-Сибиряка, Житкова, Пришвина и многих других, в том числе и ныне здравствующих писателей. Все они и интересны и в широчайшем смысле этого слова воспитательны. Отпадает необходимость непрестанно твердить: «не хлопай глазами», «не вертись», «не болтай ногами» — ребенку, поглощенному интересным делом. Подлинно художественное произведение, воздействуя на глубины человеческого сознания, вбирает все мелкие и мельчайшие «нельзя» и «нужно». Докучные, навязываемые извне, они заменяются внутренней долговременной потребностью читателя стать лучше, благороднее, собраннее.

***

Чем моложе читатель, чем меньшим жизненным опытом он обладает, тем большее значение имеет для него книга, как источник познания, тем более он доверчив, тем легче его обмануть. Это накладывает на пишущих для детей моральную ответственность, хорошо сознаваемую выдающимися педагогами и мыслителями. Известное высказывание К. С. Станиславского о том, что для детей нужно играть так же, как и для взрослых, но только лучше, отражает то свойственное каждому подлинно честному художнику тем большее чувство ответственности, чем более доверчив, а следовательно, и беззащитен «потребитель». Это чувство свойственно многим, но далеко не всем писателям. Трудному, но единственно верному пути — писать только о хорошо узнанном, продуманном, прочувствованном и чем-то взволновавшем — некоторые писатели предпочитают ремесленное рукоделие. Они водят читателя по сложному фабульному лабиринту, из которого нет выхода, задают ему нерешаемые задачи, дразнят, сюсюкают или балагурят о чем придется, а иной раз и как придется.

Большая доля вины за появление серых, вялых произведений для детей ложится на либерально-благодушные, добренькие оценки-рецензии, пестрящие выводами, вроде — «перечисленные недостатки не умаляют ценности»...

Писателя Сергея Баруздина нельзя упрекнуть в том, что он не заметил недостатков рецензированного им сборника М. Коршунова «Дом в Черемушках» («Литературная газета», № 96, 1955 г.). Однако о них он говорит как-то вскользь, между прочим, в скобках. Весь пафос рецензии направлен на прославление рассказов М. Коршунова, которые будто бы и читаются с интересом, дышат «естественной непосредственностью» и способны «порадовать сердце и ум любого читателя». Непомерную «доброту» к М. Коршунову демонстрирует и С. Михалков в своей статье «Детям — веселые книги» («Литературная газета», № 151, 1955 г.). В этой статье утверждается ряд положений, столь бесспорных и общих, что ни возражений, ни тем более раздумий они вызвать не могут. Верно, что настоящий юмор — дар редкий, что дети очень нуждаются в «веселых» книгах и, добавим от себя, по-разному смешных — от острой сатиры до мягкого, улыбчивого юмора, от большой повести до смешной сценки и остроумной шутки. Верно и то, что «самая остроумная мысль, неуклюже выраженная, звучит вовсе неостроумно». Однако при всей правильности общих положений, высказанных С. Михалковым, конкретные примеры, подтверждающие эти положения, оказываются поверхностными, ничего не объясняющими, а иной раз просто неверными.

Можно не сомневаться, что С. Михалкову при чтении книги М. Коршунова попались на глаза такие «юмористические» фразы, адресованные детям: «А что касается «перепонной барабанки», то на этот счет я предусмотрительно сохранил молчание, чтобы не быть приписанным к еще каким-нибудь манипуляциям и параграфам дневника тренировок», «И все это длилось до тех пор, пока я, Лена или Гриша не торопились на выручку к простофилям, лишившимся свежих, не прочитанных еще газет, обложенным с головы до ног горячими голышами и усердно, как морковные грядки, смоченным водой». С. Михалкову должен был бы броситься в глаза и ряд других, менее замысловатых, но не менее загадочных фраз. Как же после этого можно без тени улыбки утверждать: «Мало кто из молодых детских писателей относится с таким вниманием к языку своих произведений, как М. Коршунов. С большой тщательностью отобраны слова в лучших его рассказах». Как можно именно в произведениях Коршунова находить подтверждение того, сколь сложной, «поистине мучительной работы над словом» требует юмор. Можно понять и даже посочувствовать стремлению С. Михалкова подойти к оценке творчества молодого писателя с наибольшим дружелюбием. Но разве не ясно, что такое одностороннее применение оружия критики неизбежно приводит к выводам несправедливым, обидным и, в конечном счете, вредным как для детской литературы и молодых писателей (включая М. Коршунова), так и для читателя? Разве так уж беспомощна детская литература, чтобы творчество Коршунова могло служить для молодых писателей редким образцом «внимания к языку»?

Не оборачивается ли царственная щедрость «добрых» критиков к автору неряшливых рассказов обидным пренебрежением к интересам читателя, ради которого существуют и писатели, и литература, и критика? Да и добра ли к писателю подобная критика! Не разделяют ли «добрые» критики моральную ответственность с М. Коршуновым, если молодой, но уже небрежно пишущий писатель, поверив, будто «некоторые недостатки» не способны испортить «радостного впечатления», позволит себе, губя свое дарование, и дальше с беззаботной легкостью фланировать по страницам, предназначенным для многих тысяч детей.

***

Нет недостатка в широковещательных заявлениях о том, что-де литература для детей не нуждается в обидном снисхождении, что она — часть большой советской литературы, что к ней надо подходить с общелитературными критериями. На деле же литература для детей все еще продолжает оставаться глухой периферией, где порой издаются произведения не только не «лучше», чем для взрослых, но столь низкие по качеству, что появление чего-нибудь похожего во взрослой литературе исключается. И в этом повинна «большая» литературная критика, не жалующая своим вниманием «маленькую» литературу.

Только принципиальная, бескомпромиссная, а в некоторых случаях и жесткая критика может оказаться по-настоящему и в равной мере доброй и к литературе, и к молодым писателям, и к юным читателям, для которых книга — насущный духовный хлеб.

Главный редактор В. КОЧЕТОВ.

Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, Н. АТАРОВ, Г. ГУЛИА, П. КАРЕЛИН, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМИРНОВ, Н. ШАМОТА (зам. главного редактора).

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — Б 1-П-69, внутренней жизни — К 4-84-28, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

Б01058.